

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ФОРСАЙТ

Книги Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко

Форсайт

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С.

Форсайт / С. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
2023 — (Книги Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-157609-7

Людам порой снится прошлое. Иногда хорошее, иногда не очень... Но что делать, если тебе начинает сниться будущее? И в нем ничего хорошего нет совсем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157609-7

© Лукьяненко С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Форсайт	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Лукьяненко Форсайт

Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

© С. Лукьяненко, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Форсайт

Глава первая

Больше всего в форсайте бесит ясность сознания и полнота ощущений.

Я был в комнате. Маленькой и темной от глухих плотных занавесей на окне. Пахло одновременно плесенью и пылью. Угадывались очертания шкафа, широкой кровати с бугрящимися одеялами, двух тумбочек, стула, заваленного скомканной одеждой.

Я тяжело дышал, стоя у дверей, вслушиваясь в тишину.

А тишина была мертвая, гробовая.

Меня зовут Никита, мне двадцать пять лет, я занимаюсь ценными бумагами, я абсолютно здоров. Так было, когда я несколько часов назад ложился спать.

Сейчас все несколько иначе, поскольку у меня форсайт.

Пошарив по стене, я нащупал выключатель, как можно мягче шелкнул клавишей. Свет не зажегся. При всей нелепости поступка он имел смысл: порой лампочки начинают светиться.

Не в этот раз.

Я тихо обошел кровать. Левая нога привычно ныла у щиколотки, я когда-то потянул связки. Слегка раздвинул шторы. Посмотрел наружу сквозь мутный лист тонкого пластика.

Улица была пуста, если не считать автомобилей, большей частью припаркованных вдоль обочин, иногда застывших посреди проезжей части. Некоторые проржавели в хлам, два были расплющены в цветные железные блины. Несколько машин стояли на удивление чистенькие и новенькие, словно только что приехали из салона.

Только боковые зеркала на всех были расколочены вдребезги.

Людей, конечно, не видно.

Над городом тяжелым куполом висели серо-багровые облака. Свет шел от них, нездоровый мрачный свет Мира После.

Я отпустил штору, оставив щель, и повернулся к кровати.

Там, как я и ожидал, лежали двое. Мужчина и, судя по длинным волосам, женщина. Тела давно мумифицировались, ссохлись, превратились в темных восковых кукол. На тумбочке стояла пустая бутылка из-под вина с осадком на дне, два грязных бокала и упаковка каких-то таблеток, которые пара запила вином, прежде чем обняться и навсегда уснуть.

Я нагнулся над стулом и принялся аккуратно рыться в одежде.

Подобные форсайты уже случались, и я знал, что ничего ценного там не найду. Я просто собирался с духом. Была одна хитрость, на которую не все решаются, но я уже кое-чему научился.

Шкаф!

Это может быть опасно, поэтому многие туда даже не заглядывают. А ведь зря. Зачем рыться в одежде, которую люди сняли, прежде чем покончить с собой, потом открывать тумбочки, где нашлась лишь упаковка презервативов, какие-то подсохшие крема и детектив Дарьи Донцовой, когда в комнате стоит огромный шкаф?

Допустим, мне не нужна одежда, но чистое белье, носки... мало ли что может оказаться в шкафу?

Оружие, там может быть оружие.

Или еда.

Или бутылка алкоголя.

Некоторые люди хранят хорошее спиртное в платяном шкафу. Я в этом абсолютно убежден. Там стоит большая деревянная коробка. А в ней – какой-нибудь редкий старый виски. И

еще коньяк. И канистра со спиртом. Крепкий алкоголь – это ведь не только и не столько для того, чтобы напиться. Он годится для самых разных целей.

Я закончил проверять тумбочки. Спрятал в карман упаковку презервативов, это тоже многофункциональная вещь, почти как спирт. И посмотрел на шкаф.

К сожалению, имелись серьезные причины не открывать его...

Ну же!

Главное – первый шаг.

Я напрягся. Сделал шаг, через силу, как будто в воде. Через мгновение сопротивление отпустило, тело покорилося и стало слушаться. Я подошел к шкафу. Помедлил. И потянул на себя дверцу.

В полутьме блеснуло большое зеркало на задней стороне двери. Не просто шкаф, а шифоньер, опасения оправдались! К счастью, я был готов и сразу же отвел глаза, мельком успев заметить свое небритое исхудавшее лицо и одежду серо-зеленой камуфляжной расцветки.

Искушение внимательно себя разглядеть было велико, но некоторым искушениям не стоит поддаваться.

Я стал быстро выдвигать ящики, выбрасывая из них на пол одежду. Женские трусики и маечки, полотенца, свитера, пачка денег, шкатулка с драгоценностями – все было безжалостно выброшено.

А вот пошли и мужские ящики.

Из одного я достал упаковку новых носков и вскрытый пакет трусов. Мельком глянул размер и тоже отложил вместе с носками. Быстро перебрал рубашки и взял одну, слегка ношенную, но из хорошего плотного хлопка.

Потом заглянул в низ шифоньера.

Там действительно стояла картонная коробка с коньяком «Мартель».

Надо же!

Я снял с плеч тощий рюкзак, сложил туда чистое белье, рубашку и бутылку, достав ее из коробки. Снова набросил рюкзак на плечи.

И увидел, самым краем глаза, как в зеркале что-то мелькнуло.

Что-то большое, неуклюжее, мерцающее, словно подсвеченное фонариком.

Не повезло...

Оборачиваться я даже не пытался. Вместо этого выдернул из ножен на поясе здоровенный нож из темного металла и несколькими ударами вслепую разбил зеркало, после чего захлопнул дверцу шифоньера.

Прислонился к шкафу, качая головой. Стукнул по дверце кулаком, злясь на самого себя. Хрустнул осколок зеркала, застрявший в двери.

Разумеется, в форсайте имелась причина не заглядывать в шифоньеры.

Нож в ножны. К дверям. Через прихожую (зеркало у дверей было кем-то разбито до меня). В открытую дверь, в подъезд, вниз. Пятый этаж – я знал, хоть и не помнил, как поднимался.

Ненавижу форсайты! Самым мерзким был третий, но и этот набирал обороты.

Я вышел из подъезда в красно-серый сумрак. Было прохладно, но при этом как-то неожиданно сперто, словно воздух на улице застоялся. Быстро оглядевшись, я пошел к перекрестку. Там, вдали, виднелась большая красная буква «М» – не светящаяся, конечно, но безошибочно узнаваемая.

Собираюсь спуститься в метро? Или просто пройду мимо?

Не факт, что я это узнаю.

Но попробовать стоило.

Я прошел вдоль двух высоких многоэтажных домов (увы, ни номеров, ни табличек с названием улицы на них не было). Стекла, конечно, выбиты, кое-где окна заколотили фане-

рой, затянули пленкой или вставили полупрозрачные пластиковые листы. Под самой крышей вызывающе отсвечивали красным несколько окон с рифленным стеклом. Большая ценность, насколько я понимаю.

У крайнего подъезда я увидел табуретку, на ней сидела девочка-подросток в ослепительно-белом платье до колен и лакированных великоватых босоножках (на всякий случай я отвел от них взгляд). Перед ней на асфальте стоял стакан из мутного стекла с горящим огарком свечи внутри. Девочка молча и сосредоточенно провожала меня взглядом. Лицо у нее было неестественно спокойным, волосы уложены, кажется, даже губы и глаза слегка подкрашены.

Как ей не холодно-то?

Я прошел мимо. В Мире После не особо принято с кем-то общаться. Теперь впереди был сквер – деревья с голыми, мертвыми, будто зимой, ветками, редкие павильоны.

«М» приближалась. Хоть бы название станции увидеть или получше рассмотреть павильон метро!

Потом позади бухнуло.

Я обернулся, уже зная, что увижу.

На полпути между мной и подъездом, где сидела девочка, в облаке пыли стоял зверь.

Больше всего он походил на волка размером с лошадь. мех на шее и загривке топорщился пышной гривой – так в старину в Европе рисовали львов.

Глаза зверя мерцали красным. Он медленно поворачивал голову – то ко мне, то к девочке на табуретке. Пыль медленно оседала.

Сейчас зверь примет решение и прыжками умчится к подъезду. Девочка беззащитнее, чем я, и, наверное, должна быть вкуснее. Хищники всегда предпочитают напасть на слабую добычу.

А я побегу вперед и постараюсь нырнуть в метро...

Волк тряхнул гривой. И пошел в мою сторону. Вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее, молча и неотвратно.

Черт!

Не стоило все же лезть в шкаф!

Я побежал, стараясь не замечать боли в ноге. Быстро, отчаянно, понимая, что не успею добраться до метро, а если и успею, там не укрыться. Кроме меня и странной девочки, никого на улице не было. Я бежал вдоль разбитых витрин одноэтажного павильона, обшитого серым металлическим сайдингом, раньше тут размещались какие-то магазины. Местами витрины были заколочены досками и фанерой, местами зияли пустотой, но прятаться там было самоубийством. Словно залезть в кормушку и закричать: «Кушать подано!»

Волк прыгнул, сократив дистанцию наполовину, я понял, что он играет и способен догнать меня в один миг.

Зачем я полез в шифоньер? За бельем и выпивкой?

Хоть бы переоделся и выпил, умер бы в чистых трусах и пьяным!

В разбитых витринах вдруг возник человеческий силуэт. Я увидел парня лет двадцати, плотного, высокого, в круглых очках, в яркой футболке и джинсах. В руках у парня была здоровенная дура, некоторыми по недоразумению называемая автоматом – пулемет Ferfrans NVLAR. Такая темно-серая хреновина, вся какая-то решетчатая, будто из конструктора собранная, а внизу под ней торчит тяжеленный круглый магазин.

Увидеть в родных московских пейзажах творение американских оружейников было так неожиданно, а появление молодого здоровяка с десятикилограммовым пулеметом в руках так внезапно, что я запнулся и упал.

В тот же миг юноша начал стрелять.

Не в меня.

Я знал, что HVLAR имеет хитрую систему погашения отдачи, благодаря которой из него реально можно стрелять даже с одной руки. И все-таки это выглядело удивительно.

Большая часть пули, конечно, прошла мимо, в основном у меня над головой. Но и волку-переростку досталось. Он впервые издал звук, смесь рычания и визга, крутанулся на месте, задев меня по бедру хвостом. Удар был будто дубиной!

Парень захохотал и перестал стрелять.

Зря.

Волк собрался, сжался пружиной – и прыгнул, сбивая стрелка с ног. В последний миг тот успел снова нажать на спуск, выстрелы глухо застучали из-под придавившей парня туши, волк издал глухой рык, задергался, распластался на стрелке.

Я поднялся, достал нож. Постоял, глядя на неподвижное тело юноши, придавленное неподвижным зверем. Из-под туши торчал оружейный ствол. Тоже неподвижный, разумеется, из него только легкий дымок шел. На землю обильно текло красное, в багровом сумраке выглядящее черным.

Плохо.

Осторожно подойдя, я потянул пулемет, стоя так, чтобы меня не задело, если спуск зацепится и оружие выстрелит.

Только когда пулемет оказался у меня в руках, я почувствовал себя чуть спокойнее. С трудом, но все-таки сообразил, как перевести «хвлар» на одиночную стрельбу. Прицелился в голову зверя и выстрелил в упор.

Брызнуло темной кровью, белыми осколками кости и чем-то блестящим, не то металлическим, не то стеклянным. Волк не шевелился.

Я едва смог стащить его голову с лица парня. Впрочем, спешить нужды не было, шею тварь разорвала начисто, до позвоночника.

Но все-таки я выволок его из-под волка. Он был весь в крови, окончательно и бесповоротно мертвый. Зверь не только разодрал лицо и горло, он еще перекусил ему правую руку по локоть, та так и осталась висеть, не то вцепившись в шерсть, не то запутавшись в ней пальцами.

Как ни странно, очки стрелка не разбились, только слетели в грязь. Я с любопытством повертел их. Антибликовые линзы, понятно, иные носить самоубийство. Достал ведь где-то... Я положил очки ему на грудь.

Где же ты добыл такую пушку, паренек? И чего хотел – спасти меня? Или просто сдали нервы?

Я осторожно обшарил тело, стараясь не слишком выпачкаться и невольно отметив, как профессионально проверяю карманы.

И, к своему удивлению, нашел мобильный телефон с небликующей защитной пленкой на экране. Он даже оказался заряжен. Индикатор сети, конечно, ничего не показывал, вход запаролен, я был вознагражден лишь заставкой с фотографией какой-то немолодой женщины. Мать? Я помахал телефоном перед искромсанным и окровавленным лицом парня, но телефон отказался узнавать хозяина в таком состоянии. Я уже собрался положить телефон парню на грудь и уйти, но передумал и вынул его из чехла.

На обороте корпуса обнаружилась гравировка: «Верните за вознаграждение». И номер телефона.

Не Бог весть что, но я постарался запомнить.

Встал, взял пулемет поудобнее. Все-таки он был тяжеленный как сволочь, даже если у него слабая отдача, много с таким не побегаешь.

Но я сейчас бегать не собирался. Надо было проверить павильон, откуда появился парень. Возможно, там есть патроны. А может, и еще что-то...

И тут форсайт кончился. Неожиданно рано.

Открыв глаза, я втянул воздух. Ощущение – словно минуту не дышал. Так всегда бывает. Все тело покрывал липкий холодный пот, руки чуть тряслись. Это тоже дело обычное. Медленно спустив ноги с кровати, я нашарил тапочки, взял с тумбочки мобильник. Шесть утра.

Пожалуй, ложиться досыпать уже поздно.

Открыв список номеров, я вбил в него тот, который только что увидел на телефоне погибшего парня. Звонить сейчас было бы свинством. Впрочем, звонить в любом случае глупо.

Но все-таки хотелось сохранить номер. Нечасто удается протянуть мостик из форсайта в реальность.

Подойдя к окну, я скрутил вверх рулонную штору. Приоткрыл окно, впуская холодный воздух.

Москва как Москва. Обычная зимняя Москва, обычный старый спальный район Соколиной горы. Небо серое, но без багрового свечения. Слегка сыплет снежок. Отъехала от соседнего дома машина, неторопливо и тихо. Во многих окнах уже зажегся свет.

Никакого апокалипсиса.

Пока никакого.

– Задолбало... – сказал я с чувством и пошел мыться.

Кафельная плитка над ванной кое-где отстала, и щели жадно впитывали брызги воды из душа. Плевать. Квартира съемная, сейчас мало кто покупает квартиры, ремонт тоже делать не спешат. Строители, впрочем, не бедствуют, работы у них много.

Зеркало над раковиной было перевернуто к стене. Выбрасывать я его не стал, само по себе оно не опасно.

Я стоял под щедро выкрученной струей воды и вспоминал свое отражение в форсайте. Мое отражение, никаких сомнений. Обросший, небритый, с серыми тенями под глазами, но это был я. Возраст не понять. То ли двадцать пять, как сейчас, то ли сорок. Есть в жизни мужчины такой период, когда он почти не меняется. У женщин он тоже имеется, только длится дольше.

Частота форсайтов, как всем известно, зависит от интенсивности происходящих в них событий. Первый мой форсайт был выматывающим и долгим, контролировать события я не умел, пять или шесть часов брел по туннелю метро, но ровно ничего интересного не случилось. Повторился форсайт лишь через два месяца.

Сегодня произошло столько всего, что новый форсайт впору было ждать следующей ночью.

Выйдя из душа, я понюхал полотенце и решил, что еще раз вытереться им можно. Натянул трусы, брызнул дезодорантом подмышки и прошел на кухню. Там было зябко, в окно сифонило, но одеваться не хотелось. Включил телевизор, стоящий на холодильнике, разбил на сковородку пару яиц, заварил чай.

В новостях было все то же, что год, два или пять назад. Шли горячие, холодные, торговые, гибридные и психологические войны. Большие страны ругались, упрекали друг друга в коварстве и непорядочности, малые пыжились и надували щеки, Китай сообщал о спокойствии и успехах в Поднебесной. Что-то дорожало, а что-то дешеvelo, торжественно открыли новую станцию метро, с космодрома «Восточный» запустили спутник...

Вот только лица у дикторов были неискренние, будто они думали о чем-то своем.

– В Москве открылась Всероссийская конференция по проблеме форсайта, – сообщила диктор, чуть оживившись. – Наш специальный корреспондент...

Я снял с огня сковородку, поставил перед собой на деревянную разделочную доску и сделал звук погромче.

Корреспондент, совсем молодой и бойкий, вел репортаж не то из Академии наук, не то из МГУ, я пропустил это мимо сознания. Бородатый, аскетичного вида футуролог, обозначенный как «научный руководитель Федерального центра по изучению форсайта», снисходи-

тельно смотрел на журналиста, явно получая удовольствие от интервью. Не такой уж старый, лет сорока. Небось, со связями, раз на такую сладкую должность пристроился.

– Всех наших зрителей интересует, что такое форсайт? – спросил корреспондент. – Особенно тех, кто его испытывает, конечно же. У науки есть ответы?

– У науки очень много ответов, – сказал футуролог неспешно. – Но есть факты, а есть догадки. Каковы факты?

– Да-да, каковы? – не удержался журналист.

– Уже почти год, точнее, одиннадцать с половиной месяцев, около пяти процентов людей на Земле периодически видят кошмарные сны, – начал футуролог. – Сны разнятся по содержанию, но имеют несомненный общий момент – постапокалиптическое будущее. Находясь в форсайте, человек воспринимает происходящее как очень яркий, предельно реалистичный сон.

Усмехнувшись, я глотнул чая.

Да-да, форсайт похож на реалистичный сон. А огонек зажигалки похож на пламя газовой горелки.

Наберут же идиотов по блату на государственные хлеба...

– Так что же это? Ведь форсайт – это от английского foresight, «предвиденье»? Людям снятся грядущие катаклизмы?

– В моей профессии принято говорить о будущем, – снисходительно улыбнулся футуролог. – Но я вас уверяю, тут речи о предвидении не идет.

– Почему?

– Люди, переживающие форсайт, ощущают себя приблизительно в своем настоящем возрасте. Значит, если бы речь шла о ядерной войне или иной глобальной катастрофе, то мир не успел бы измениться кардинально. Облака, разрушения – возможно. Но чудовищные животные?

– Мутация? – предположил журналист.

– О, это так быстро не происходит. – Футуролог покачал головой. – У нас есть целая группа биологов, они вчера делали интересный доклад...

Я вытер тарелку куском хлеба, отправил его в рот и налил еще чая. Футуролог явно готов был говорить хоть час, но журналиста поджимало время. С требовательной интонацией он опять ткнул микрофон под нос ученого.

– Так что же такое форсайт? Бояться нам или нет?

– Бояться не надо! Форсайт, по наиболее обоснованному мнению, является феноменом психики, вызванным ростом международной напряженности и стрессом современных горожан.

Я громко расхохотался. А футуролог продолжал:

– Даже в Средние века случались психические эпидемии, которые охватывали всю Европу! Люди начинали видеть повсюду ведьм, заниматься самоубийством. Вспомним эпидемию пляски Святого Вита в Германии, тарантизм в Испании, кликушество в России. А мы живем в мире архетипов, в мире быстрого обмена информацией, поэтому нет ничего удивительного в выравнивании кошмаров, обретении ими неких общих черт и признаков...

– Бояться – не надо! – торжественно сказал журналист в камеру. – А вот задуматься, правильно ли мы живем, – стоит!

– Балбес, – сказал я с чувством.

Мне стало понятно, что ни футуролог, ни журналист сами форсайта никогда не испытывали.

– А вот изучение этого удивительного феномена дело важное, – продолжал журналист. – Конференция выплачивает значительные суммы за документированный рассказ о пережитом форсайте. Мейл и телефоны вы видите на своих экранах...

– Уже бегу, – пообещал я, отводя взгляд.

Чем бы ни был форсайт, но большинство людей считает, что это сон из будущего. Значит, те, кто его видят, в будущем существуют.

А остальные – нет.

Что не способствует симпатии к испытывающим форсайты.

Выключив телевизор, я пошел одеваться.

Может быть, катаклизм, снящийся пяти процентам людей, должен случиться завтра. А может быть, через десять лет.

Это никак не отменяет необходимости есть, одеваться, платить за квартиру.

Я знал немало людей, чья жизнь радикально изменилась с приходом форсайта. Некоторые бросали работу, уходили в религию, в запой, в бесконечные сексуальные похождения, уезжали в другие страны или в российскую глубинку. Другие, напротив, начинали готовиться – занимались спортом, читали пособия по выживанию, покупали оружие и ходили в тир, избавлялись от всего блестящего и отражающего в домах.

Самое странное, что это никак не зависело от того, испытывает человек форсайт или нет. Одни готовились к уже увиденному мрачному будущему, другие надеялись, что их судьба изменится. Какие-то основания к этому были, время от времени кто-то заявлял, что неожиданно начал видеть форсайт после того, как переехал из Москвы в глухую сибирскую деревушку, или после того, как прошел курс стрелковой подготовки. Вот только правда это или нет, закономерность или случайность, сказать никто не мог. По моему мнению, все это было вранье. Каждый, кто объявлял, что у него начались форсайты после переезда в какую-нибудь «Общину будущего», покупки «легендарного ножа против монстров» или прохождения «тренинга для выживания После», на самом деле зарабатывал на этом деньги.

Я относил себя к той золотой середине, которая старалась избегать резких действий. Расстался с подругой, с которой прожил два года, но чувства уже угасали, и форсайт послужил последним толчком. Мы даже задумывались о том, чтобы родить ребенка – возможно, это бы придало что-то новое нашим отношениям. Но заводить детей в ожидании апокалипсиса? Мы перестали обсуждать эту тему, она развеялась сама собой. А вслед за нею и отношения.

Тем более что у подруги форсайты не начались.

Я стал заниматься дзюдо, регулярно ходить в бассейн и качаться дома, но иллюзий по поводу своих бойцовских качеств не строил. Изучал разные виды оружия и навыки выживания. Получил охотничий билет и купил приличную двустволку, время от времени выезжал на стрельбище и честно отстреливал полсотни патронов. Но то, что я видел во время форсайта, не слишком-то позволяло надеяться на огнестрельное оружие.

Работу я тоже не бросил.

С девяти утра до половины первого я просидел перед компьютером. Индексы, цены, курсы валют. Есть, конечно, всяческие нейросети, которые отслеживают показатели и дают свои прогнозы, но все давно уже убедились, что без участия человека результат получается средний. Так что моя работа оставалась востребованной. Венчурный аналитик в крепком, но не слишком уж большом венчурном фонде – не лучшая профессия, если впереди конец света. Верно?

Впрочем, если судить по финансовому рынку, никакого конца света не предвиделось. Большие деньги игнорировали сны, даже массовые и кошмарные.

В половине первого компьютер засбоил и ушел в сэйф-мод. Дело обычное, обновления к системе в последний год выпускали второпях и сырыми. Пока компьютер перегружался, я откинулся в кресле и посидел, глядя в потолок. Перегородки из зеркального стекла, делившие рабочий зал на клетушки, раздражали. До собственного кабинета я еще не дорос и, вполне вероятно, дорасти не успею.

Я вспоминал Мир После, где зеркала были смертельно опасны.

Если все пойдет как обычно, то этой ночью форсайт продолжится – слишком уж высок накал эмоций.

Достав телефон, я открыл контакты, посмотрел на номер, обозначенный предельно просто: «ХЗ».

Искушение было слишком велико.

Я нажал вызов.

Гудок... второй... третий...

И ломающийся тонкий голос:

– Алло?

Я вздрогнул. Тот, кого я видел в форсайте, был не старше двадцати. Тот, кто ответил на вызов, вряд ли достиг пятнадцати.

Стоило сообразить, что сейчас владелец телефона на несколько лет моложе.

Значит, до событий, которые я видел, примерно пять-шесть лет.

– Борис? – спросил я наугад.

– Нет, это Миша, – ответили настороженно.

– Извините, номером ошибся, – пробормотал я.

– Это вы? – внезапно спросил подросток.

Я замолчал. Меня вдруг пробил озноб.

– Это вы... были... у метро? – тщательно подбирая слова, продолжил Миша.

– У меня машина, я на метро не езжу, – зачем-то соврал я. – Говорю же, номер спутал!

Подросток помолчал. Потом поинтересовался:

– А чего трубку не бросаете?

Я молчал.

– Что там со мной дальше было?

Я нажал отбой. Положил трубку на стол.

Блин, надо было сразу связь прервать...

Телефон зазвонил.

Я сбросил вызов.

Черт.

Черт, черт, черт!

Телефон больше не звонил. Я смотрел на него, кусая губы.

Впрочем, разве что-то случилось?

Скорее всего, пацан побоится перезванивать.

Ну если даже и перезвонит? Что с того? Через несколько лет в мире произойдет непонятная катастрофа, города будут разрушены, небо затянут светящиеся красные облака, чудовищные звери примутся рыскать по улицам. Хорошо, допустим, что так все и будет.

Но я никого не убивал, даже в Мире После. И не подставлял.

Юноша с пулеметом сам сглупил.

Минут пять я просидел, слушая, как коллеги потихоньку встают и выходят на обед.

Потом и сам отправился за ними.

Я перекусил в кафешке рядом с офисным зданием. Взял порцию блинов с мясом, гороховый супчик и зеленый чай.

Короткий дурацкий разговор медленно отпускал.

Ничего не случилось.

Застегнув куртку на пуговицы, я пренебрег молнией: до входа в офис идти было меньше минуты. Вышел из кафешки и быстрым шагом двинулся к стеклянным дверям. В башню делового центра стекались возвращающиеся с обеда сотрудники и посетители; в отдалении, под козырьком, мрачно курили немногочисленные работники, отвергшие ЗОЖ.

У входа топтался пухлый мальчишка лет четырнадцати, в круглых очках с толстыми стеклами. На мальчишке было длинное черное пальто до колен и грязные берцы, шапку он не носил.

В отличие от голоса, внешность была узнаваема.

Сердце тревожно зачастило. Я отвел взгляд от пацана и ускорил шаги.

– Я Миша. Я вас узнал, – сказал мальчишка вслед. – Вы совсем не изменились.

Я выдохнул. Остановился. Помедлил и подошел к пацану, чью смерть наблюдал этой ночью. Спросил:

– Чего ты хочешь?

– Вы Никита. Работаете тут. Я вас по номеру телефона пробил... – начал пацан.

– Догадался, не дурак. Чего ты хочешь?

– Расскажите, что там дальше было?

Вздыхнув, я посмотрел на часы.

– Пошли в кафе. У тебя пятнадцать минут, потом я должен быть на работе.

– Когда-нибудь я вам жизнь спасу, – дерзко напомнил мальчик.

Я не нашелся, что ответить. Это было правдой.

Глава вторая

Столик даже не успели убрать, я взял два стакана апельсинового сока и уселся напротив подростка. Развел руками. Спросил, понизив голос:

– Ну?

– Варг прыгнул на меня, что дальше было?

– Варг?

– Я так их зову.

Я пожал плечами. Почему бы и нет?

– Варг вырвал тебе горло.

Парнишка поморщился.

– И сожрал пол-лица, – беспощадно добавил я. – Извини.

Надо отдать должное, Миша воспринял новость мужественно. Кивнул.

– Спасибо. Зря я прекратил стрелять. Пулемет вернете?

– Зря, – согласился я. Допил сок, встал: – А пулемет тебе теперь не пригодится... И не надо больше звонить! То, что мы встретились в форсайте, ничего не значит. В следующий раз не повезет мне, и кошмары кончатся... Спортом бы тебе заняться, нет?

– Не помогает, – хладнокровно ответил Миша. – Обмен веществ такой... А что вы умеете?

Я, не отвечая, вышел, оставив подростка наедине с полным стаканом. Сок тут делали вкусный, из хороших апельсинов, надеюсь, Миша его выпьет.

Что ж, разговор прошел легче, чем я опасался.

Через час мне удалось выкинуть встречу из головы и сосредоточиться на работе. Шли вверх акции строительных и оружейных компаний, дорожало продовольствие – это понятно. А вот почему растут дома моды и производители люксовых брендов?

Люди хотят роскоши перед концом света?

Или не верят в него?

Я считал, что все чуть сложнее. Люди верят, но не хотят верить. Поэтому они упрямо ведут прежнюю жизнь, но при этом не заботятся о будущем, подозревая, что его не случится. Так разоряющийся бизнесмен продолжает летать первым классом, отдыхать на лучших курортах и покупать жене и любовницам бриллианты – утешая себя тем, что сделать все равно ничего уже невозможно.

Прав я был или нет, но этот подход работал, доходность фонда росла. Я регулярно получал свои бонусы и через год-другой мог рассчитывать на личный кабинет, а еще через пару – на статус младшего партнера.

В конце концов, теперь я был почти уверен, что до конца света – лет пять-шесть. Успею сделать карьеру.

Черт, надо было спросить мальчишку, может быть, он знает точную дату!

Потому что с датами было странно. Некоторые утверждали, что происходящие в форсайте события случатся через год. Другие настаивали на трех годах. Кто-то говорил даже о десяти.

Может быть, правы все одновременно? Конец света случится через год, а потом выжившие станут блуждать под тусклым красным небом, уже не заботясь о времени?

С одной стороны, это радовало, словно известие о доказанной жизни после смерти. С другой – уж больно эта жизнь напоминала ад...

По пути я зашел в «Пятерочку», купил готовый ужин: замороженные котлеты с пюре и бутылку пива. Дома разогрел «котлеты натуральные из настоящей мраморной говядины»,

которые, несмотря на слишком рекламное название, оказались приличными. А вот пиво было никакое, вода водой.

Или просто не хотелось пить?

На всякий случай я поставил открытую бутылку в холодильник. Посидел перед телевизором, мрачно посмотрел середину старой комедии из тех времен, когда слово «форсайт» ничего тревожного не значило.

Потом выключил телевизор, проглотил несколько таблеток валерьянки. Форсайт не зависел от выпивки, снотворного, усталости. Он либо приходил во сне, либо нет.

Я лег в кровать, полежал с закрытыми глазами. Подумал, что, вполне возможно, ничего страшного сегодня не случится.

И неожиданно легко уснул.

Форсайт застал меня за едой.

Сна как не бывало, зато очень хотелось есть – чем я и занимался, зачерпывая ложкой фасоль из жестяной банки. Видимо, все время после спасения от варга я отсыпался, а теперь решил пообедать.

А где я, кстати?

В Мире После свои законы. Можно отдаться на волю форсайта и просто наблюдать происходящее. Или сосредоточиться и перехватить управление телом. Говорят, что некоторые так и остаются в роли зрителей. То ли не могут начать действовать, то ли не хотят, боясь, предпочитают довериться себе в будущем.

Я с первого раза чувствовал, что могу управлять телом. Но решил сразу не вмешиваться, два или три форсайта лишь наблюдал за происходящим. Это оказалось крайне полезным: я понял, какую воду можно пить, узнал про опасность зеркальных поверхностей, освоил правила общения – они вообще-то нехитрые.

Да и сейчас первую минуту стараюсь не вмешиваться в форсайт.

Я ел.

Банка была целая и выглядела новенькой, будто только с полки магазина. Сколько же времени прошло с момента катаклизма? Месяц, год, пять лет? Казалось бы, простой вопрос, но за все мои форсайты я так и не смог этого понять. На дороге могли стоять рядом сверкающая чистенькая «тойота» (только зеркала разбиты и стекла опущены) и начисто сгнивший «мерседес». В магазине на полке я как-то обнаружил сгущенку, превратившуюся внутри банки в окаменелый комок, и съедобные чипсы в пакете.

Впрочем, может быть, это больше говорит о чипсах, чем о тайнах мироздания?

На самом деле странностей было куда больше.

Вот, допустим, сейчас. Я сидел на стуле в небольшом магазинчике, из разряда «пешей доступности». Обычно они принадлежат каким-то крупным сетям, но хватает и частных. Тот, в котором я находился, судя по всему, к сетям не принадлежал. На полках чего только ни стояло: упаковки туалетной бумаги и коробки со стиральным порошком, консервы и бутылки с минералкой, и пачки офисной бумаги. Из широких окон аккуратно убраны стеклопакеты, вместо них вставлены деревянные щиты.

Но это как раз не странно.

А вот то, что из-под потолка светит лампочка – ярким, чистым светом, как это объяснить? Аккумулятор, генератор? Да не верю!

Встречал я замусоренные, загаженные подъезды с пустыми квартирами, где на каком-то этаже был свет, а на другом, вопреки всякой логике, из крана текла вода.

Иногда даже холодная и горячая.

В помещении, кстати, довольно тепло – неужели работает отопление?

Стул мой стоял за прилавком, в укромном уголке. В углу помещения была кровать – металлическая, как из старого кино, только вместо железной сетки на ней лежал нормальный матрас, сверху простыня, одеяло, подушка. Рядом стоял мой рюкзак, ощутимо наполнившийся. Но спал я, видимо, под прилавком, посчитал, что это безопаснее: там были набросаны одеяла. Тяжеленный пулемет лежал на стойке.

Эх, Миша-Миша! Что ж ты перестал стрелять? Ведь выживал как-то все эти годы после апокалипсиса...

Мое тело аккуратно выскребло банку и отправило в рот последние пол-ложки фасоли. Я решил, что этого достаточно для знакомства с обстановкой, выдохнул – и встал.

Сработало.

Интересно, что я испытаю в будущем, когда мой разум заполнит мое же сознание из прошлого? Спокойно отключусь, помня, что сейчас произойдет? Или начну злиться и паниковать, понимая, что, когда-то перехватив управление, наделал глупостей?

Бесполезно гадать. В форсайте надо выживать, а не предаваться пустым размышлениям.

Взяв HVLAR (днем я порылся в сети, посмотрел видеоролики и более-менее разобрался, как с ним обращаться), я с пулеметом в руках обошел магазинчик. Сразу же увидел большой масляный обогреватель, потрогал – и отдернул руку. Горячий! При этом провод не был воткнут в розетку. Хорошая вещь, жаль, что скорее всего только тут и работает.

Полки были забиты вещами, видимо, что-то Миша сюда притащил из других мест. Я прошелся, изучая.

Неплохой выбор товаров. И опять некоторые вещи испортились по совершенно непонятному принципу: стопка хлопковых кухонных полотенец вся истлела, а рядом лежат прихватки и рукавицы с тем же узором, из такой же ткани, совершенно целенькие. Зачем Миша хранит порченные вещи?

Пожалуй, тут можно провести несколько дней, отдыхая и отъедаясь. Без полотенец я как-нибудь проживу. Вон, несколько блоков бумажных имеется, если уж срочно потребуется вытереть руки.

Интересно, в будущем я тоже решил тут отсидеться?

Но все-таки надо понять, где именно «тут». Вообще-то догадка у меня была – тот самый ряд магазинчиков с заколоченными окнами, возле которых варг убил юношу.

Видимо, после окончания форсайта я из будущего обследовал окрестности, нашел укрытие паренька и решил там отдохнуть. Спасибо тебе, Миша, ты славный парень, пушка у тебя зачетная и все такое...

– Пулемет вернете?

Я вздрогнул, повернулся и поднял ствол «хвлара», неожиданно показавшегося легким, как игрушка.

В углу магазина обнаружилась дверь, теперь приоткрытая. В проеме стоял очкастый юноша. Футболка, которая и в прошлый раз мне показалась чересчур яркой, с какими-то разноцветными ромбами и загогулинами, теперь сделалась совсем уж кричащей – за счет темных пятен крови. Оружия у парня не было, а руки он предусмотрительно держал поднятыми вверх.

– Миша? – глупо спросил я.

– Между прочим – Михаил, – ответил парень с достоинством. И вдруг, подмигнув мне, добавил: – А вы почти не изменились, Никита!

– С какого момента?

– Ну, со вчера, – сказал Михаил. – Когда я к вам в офис приходил.

Вот тут до меня дошло окончательно.

– Тоже в форсайте? – спросил я и опустил ствол пулемета.

Парень кивнул. Спросил:

– Так отдадите?

– Почему ты живой?

– Можно, подойду?

Я кивнул.

Миша подошел ближе, попав в круг света под единственной лампочкой, и повернул голову.

Теперь я разглядел бесформенное багровое пятно на всю шею. На лице, там, где его разодрал варг, тоже были красные пятна, но послабее.

– У меня такая особенность, – сказал он с гордостью. – Я оживаю.

– Регенерируешь? – уточнил я.

У многих людей в форсайте появлялись странные умения. Но про такую, как у Миши, я не слышал.

Миша пожал плечами.

– А фиг его знает. Наверное. Все красное и чешется. Потом проходит. Мне однажды руки отрубили, они отросли... Вы пулемет вернете?

Он помахал руками, словно в доказательство.

– Пусть пока полежит. – Я опустил пулемет на стойку. – Пойми правильно, я не претендую. Уйду – забереешь.

Михаил безропотно кивнул.

– Ладно. Да я в вас стрелять не собираюсь. Я вообще вас спас! Вам повезло, что я был в форсайте.

– Почему?

– А кто его знает – тот я, который в этом времени живет, стал бы спасать? Слушайте, можно пожрать?

– Ешь сколько влезет. – Я кивнул на полки. И добавил, не удержавшись: – Но тебе бы похудеть не мешало.

– Не могу. – Миша вздохнул, подошел к полкам, взял пакет с быстро готовящейся лапшой. Разорвал и стал есть прямо так, сухую. – Мне надо иметь запас массы, понимаете? Я когда оживаю, то худею.

Сейчас я и впрямь заметил, что он конкретно спал с лица и футболка на нем болталась.

– То есть твое тело восстанавливает утраченное? – уточнил я.

– Наверное. Да не знаю я! – Он нашел банку с каким-то лимонадом, вскрыл, понюхал. Пожал плечами и глотнул. – Меня в первый же форсайт убили, год назад. Я думал, больше ничего не будет. А следующей ночью бац – и снова. Только на груди красное пятно и чешется...

Отбросив пустую банку, он взял следующую.

– Да ты прям супергерой, – только и сказал я.

Парень гордо кивнул.

– Круто, да? А у вас есть какая-то способность?

Я промолчал. На самом деле ничего особенного я за собой в форсайте не замечал, но признаваться в этом не хотелось.

– Почему-то сразу подумал, что вы тоже из прошлого, – сказал Миша, роясь в банках. – О, иваси! Я люблю консервы, а вы? У меня уже форсайт кончался, я чувствовал, а стал бы этот вас спасать или нет – не знаю. Я поэтому и начал по варгу палить, они страшные, но из такой пушки их можно завалить. Стреляю и думаю: сейчас проснусь, не узнаю, угадал про вас или нет.

– Ты специально перестал стрелять! – вдруг понял я. – Чтобы тебя убили, так? После такой передраги форсайт сразу повторяется!

Миша застыл с куском рыбы в пальцах. Масло начало стекать на пол, он проводил капли сожаляющим взглядом и отправил кусок в рот.

– Может быть. Я не задумывался. Наверное, вы правы.

Все-таки что-то от нагловатого толстого подростка в нем проглядывало. Выканье вот это и какая-то простота. А здесь, мне кажется, ничего попросту не делается.

– Спасибо, – сказал я. – Мне кажется, я бы не ожил. Я не проверял, но не думаю.

– Жаль. – Он вздохнул, разорвал пакет с полотенцами и вытер руки. – Вы много наших встречали?

– Наших?

– В форсайте которые. Из прошлого.

– Ты первый.

– А я одну женщину встретил, – Миша вздохнул. – Страшная такая, грязная, орала все время. «Это сон, это кошмарный сон, это просто сон!» И волосы на себе драла. Я подошел, она замолчала, потом говорит: «А ты красавчик, иди ко мне!» И давай мне улыбаться.

– Воспользовался? – не удержался я.

– Фу, – возмутился Миша. – Она старая и страшная была. Я ушел. А она опять выть стала...

Взяв еще одну банку лимонада, он уселся на единственный стул. Посмотрел на меня, спросил:

– А вы разобрались, что здесь вообще происходит?

Я покачал головой.

– У меня форсайтов было... – Миша задумался. – Если с этим, то двадцать два.

– Много.

– А у вас?

– С этим восемнадцать.

– Это ведь будущее, правильно? Снов таких не бывает, – убежденно сказал Миша. – И никакие это не психозы, не может такого быть, чтобы сотни миллионов людей одинаково двинулись. По телевизору говорят, что это сны от нервов, но, по-моему, врут, чтобы успокоить.

– Нет, не сон и не психоз, – согласился я. Присел на жалобно скрипнувший прилавок. – Согласен. А ты, я вижу, пытаешься разобраться?

– Конечно. Я вообще умный и любопытный, – Миша ухмыльнулся. – И смелый.

Хотелось съязвить, что очень просто быть смелым и любопытным, если оживаешь после смерти в форсайте. Но я сказал другое:

– Как думаешь, если бы варг тебя разорвал на части, сожрал и переварил – ты бы воскрес? Довольное выражение как-то очень быстро исчезло с его лица.

– Мне кажется, что нет, – добил я. – Вряд ли ты восстановился бы из волчьего дерьма.

– Фу, – сказал Миша. Он начал стремительно бледнеть.

– Лучше скажи, по твоим прикидкам – сколько людей осталось? – спросил я.

Не то чтобы меня волновал ответ. Я для себя вывод уже давно сделал. Но надо было парня как-то отвлечь. До него лишь теперь дошло, что труп не может ожить, если трупа не осталось.

– Что? Каких людей? – он снял очки, протер о рукав. – Думаю, здесь только те, у кого были форсайты. Остальные погибли сразу...

Он нацепил очки и посмотрел на меня.

– Отвлекаете, да?

Я кивнул.

– Точно, я дурак, – признал он. – Слишком верил, что со мной ничего не случится.

Михаил просто на глазах впал в какую-то апатию, опустил подбородок, уставился на пол. Зря я его напугал, все-таки в теле парня из этого безумного будущего – разум подростка из обычной мирной Москвы.

– Да перестань, – я даже шагнул к нему и легонько потряс за плечо. – По сравнению со всем, что тут происходит...

Он поднял на меня взгляд.

Ой!

Это был уже совсем другой Михаил.

Форсайт кончился!

Лицо осталось пухлым и молодым, а вот взгляд стал жестким, мрачным, как у человека, много чего испытавшего. Плечо под моими пальцами напряглось, и я понял, что мускулатуры у него куда больше, чем жира.

– Привет, я друг, – быстро сказал я.

Михаил быстро зыркнул глазами по сторонам. Уставился на пулемет, который лежал на прилавке за моей спиной. Потом спросил (у него даже голос огрубел, стал хрипловатым):

– Ты кто?

– Никита. Ты меня спас, – не покривил я душой. – Мы тут поели немного... я сейчас пойду.

Он опять уставился на свой драгоценный «хвлар». Ну да, я бы тоже на его месте нервничал.

– Думал, что ты помер. Ты вроде отрубился на время, – добавил я наудачу. – Наверное, форсайт был.

– Чего? – Миша одновременно и успокоился, и удивился. – У меня случается, да. После контузии, наверное... Форсайт?

– Да. Ну знаешь, форсайты... вроде как сны такие... несколько лет назад все про них говорили...

Я подхватил рюкзак и осторожно отступил, остановился возле пулемета.

– Никогда не слышал, – сказал Миша, недоверчиво глядя на меня.

– Медицинский термин, – я махнул рукой. – Не бери в голову!

Что-то мне все меньше и меньше это нравилось.

Я никогда не встречал в Мире После человека, находящегося в форсайте вместе со мной. В общем-то ничего удивительного, форсайт случается раз-другой в месяц и длится несколько часов. Учитывая, что людей тут немного и они не особо склонны общаться, шансы наткнуться на такого же, как я, в чьем разуме гость из прошлого, невелики.

Но я был уверен, что все (кроме, может быть, маленьких детей) помнят, что когда-то испытывали форсайты и уже попадали в этот мир.

Судя по Мише – нет.

Пока он был в форсайте, я говорил с тем самым нахальным, но дружелюбным подростком, нашедшим меня в Москве.

А когда форсайт кончился, это словно бы стал другой Михаил. Никогда сюда не попадавший и даже не знающий слова «форсайт».

И, конечно, не подозревающий, кто я такой, как он меня спас от варга...

Как для него все это выглядит? Он спокойно сидел в своем укрытии... а потом рядом оказался мрачный незнакомый дядька лет на десять старше. И пулемет далеко. И чего от меня ждать – непонятно.

Может быть, он даже понимает, что умирал и ожил в промежутке?

Между прочим, он только с виду неуклюжий и толстый. Он в этом мире непрерывно выживает. Достал где-то крутую пушку и с легкостью с ней управляется. Он тут хозяин, а я гость.

Незванный.

– Я пойду, – сказал я. – Спасибо еще раз, что спас.

– От чего спас? – спросил он подозрительно.

– От кого. От варга. За мной гнался.

Миша поднял руку, осмотрел ее. Оттянул подол футболки, рваной и окровавленной. Потрогал шею. Нахмурился.

– Ты что, в отражения смотрел, дебила кусок? – выкрикнул Миша.

– Так вышло! – пятась к двери, сказал я. – Спасибо, провожать не надо, от всей души признателен...

Миша рывком преодолел пару метров до прилавка, схватил свой «хвлар» и спустил с предохранителя. Несколько секунд я был почти уверен, что сейчас из меня сделают решето.

– Вали отсюда, дебил!

Я решил, что повышение от куска до цельного дебила – хороший знак. И свалил.

Дверь была не заперта и выходила прямо на улицу. Я выскочил в ночь – мрачную ночь Мира После, когда облака не гаснут до конца, но светятся слабо-слабо, тревожным багровым мерцанием.

На тротуаре валялась туша варга. Кое-где она выглядела потрепанной, не то поеденная кем-то, не то с вырезанными кусочками. Не удивлюсь, если среди жителей этой Москвы найдутся любители пожарить себе на ужин свежей волчатины.

А еще я заметил скрюченную кисть руки, вцепившуюся в шерсть варга. Похоже, когда неубиваемый юноша Михаил регенерировал, оторванная рука осталась тут как ненужная запчасть.

Куда идти?

В метро?

Я там бывал в самом первом форсайте. Ничего опасного и ничего интересного: темные туннели, подернутые ржавчиной рельсы, вода (некоторые туннели наверняка затоплены полнотью), редкие лампочки... да, как и везде, иногда попадаются светящиеся. Я там даже крыс не видел.

Хотя это как раз странно.

Может быть, спуститься на станцию? Или пройти по домам, в большинстве подъезды открыты. Выберу пустую квартиру, там и пережду ночь.

Я решил, что это оптимально. И быстро зашагал назад, к ближайшему дому. Холодно, черт, в помещении как-то получше было. Почему тут небо всегда затянуто облаками? Даже если бы случилась ядерная война, облака не висели бы вечно. И почему они светятся красным, даже ночью? Радиация такой силы всех бы тут давно убила.

Подъезд, у которого днем сидела девочка со свечой, казался пустым, но я дошел до следующего. Интересно, кто она такая? Местная сумасшедшая? Малолетняя проститутка? Какая-нибудь религиозная фанатичка?

Ничего я про этот мир не знаю. И никто не знает, информации слишком мало, форсайты случайны и часто противоречат друг другу.

Я зашел в подъезд, достал из внешнего кармана рюкзака фонарик, подсветил. На первом этаже все двери были выбиты, причем грубо и давно.

Меня, как ни странно, это вполне устраивало.

Кто станет проверять уже разграбленную квартиру?

Квартира попала маленькая, но трехкомнатная. Я прошел в самую дальнюю и крохотную комнатку, это оказалась детская. На стенах плакаты – судя по полуголым красоткам и воинственным супергероям, тут жил подросток на самой грани детства и юности, когда еще смотришь про Человека-паука, но заглядываешься больше на его подругу. На окне снаружи, что для первого этажа неудивительно, имелась решетка. Но какая-то хитрая, правильная: внутрь квартиры выходило нечто вроде засова, позволяющего одним рывком ее сбросить. Сделано это явно было с целью пожарной безопасности, но мне давало запасной выход.

Вместо стекол оконная рама была затянута плотной пленкой, в нескольких местах проравшейся. Письменный стол занесло легким снежком, на улице он днем тает, но в квартирах попадает. Я постоял, поводит пальцем, рисуя рожицы. Наткнулся на заиндевелую ручку, на цветной ластик в виде ананаса. Взял, поднес к лицу, понюхал.

Уловил слабый-слабый запах, так и не выветрившийся до конца.

Мне вдруг стало безумно грустно.

Я представил людей, которые тут жили. Мама-папа-сын. Обычная семья, окраина Москвы, непрестижный первый этаж. Но квартира уютная, наверное, у них все было хорошо.

А потом что-то случилось.

Может быть, они не погибли? Уехали в какой-нибудь маленький город или село? Я знал, что во всех форсайтах, во всех уголках света мир изменился. Но, наверное, выжить в селе проще, чем в мертвом мегаполисе. Тут, конечно, дофига магазинов и складов, а жителей осталось мало, но что-то не видно толп мародеров из окрестных селений.

Я решил верить в то, что обитатели квартиры уехали.

Дверь детской я подпер тяжелым комодом, на пол набросал постельное белье и одежду из шкафов, соорудив пусть холодное, но мягкое гнездо. Лег, переключил фонарик на рассеянный режим: маленькую светодиодную панель. Снял берцы и потер левую щиколотку. Для разнообразия она не болела.

Уже после этого открыл рюкзак.

Ну да, в укрытии Михаила я времени зря не терял. Тушенка, свечи, спички... плотно сжатые рулоны туалетной бумаги.

А еще книжка. Нет, скорее пухлый ежедневник, качественный, с обложкой то ли кожаной, то ли «под кожу», с золотым обрезом на страницах. Я заинтересованно раскрыл его и прочитал на первой странице:

«То, что тут написано, очень важно! Меня зовут Михаил Нестеров. Мне шестнадцать лет. Если я жив, верните мне эти записи. Если я мертв, то прочитайте».

Вряд ли обычный подросток начал бы свой дневник такими словами. Да я вообще не думаю, что мальчишка мог вести дневник, это уж скорее занятие для девочек.

Возможно, тут что-то очень важное. К примеру, дневник начат после апокалипсиса. Что мне это дает?

То, что его следует ожидать в ближайшие год-два.

В общем, стоило прочитать. В нормальной ситуации я бы даже размышлять не стал.

Но парень меня спас, без всяких сомнений.

Как-то очень некрасиво получается.

Я достал из рюкзака бутылку «Мартеля», из-за которой едва не стал жертвой варга. Говорила мне мама, алкоголь – зло... Сорвал закатку из фольги, вынул пробку, понюхал.

О да!

Где-то в рюкзаке была и металлическая миска, и кружка, и даже стопка. Но я глотнул прямо из бутылки, ледяной коньяк прокатился по горлу горячей волной.

Хотя я недавно слопал банку фасоли (а может, и еще что-то перед ней), но в голове сразу же зашумело.

Читать или нет?

Я прикрыл глаза.

И снова открыл.

В дверь настойчиво звонили.

Что?

Дернувшись, я вскочил с кровати. Посмотрел на часы.

Полвторого. Ночи или утра, это уж как угодно.

Форсайт кончился, я был в Москве две тысячи двадцать шестого года.

Да что ж за невезение!

Меня еще никогда не будили во время форсайта, я даже не знал, возможно ли это.

Не одеваясь, я прошел к двери, заглянул в глазок.

И обнаружил на площадке двух крепких мужчин в плащах и серых костюмах, которые на них сидели как мундиры. Мужчины мрачно смотрели в дверь, словно обладали рентгеновским зрением.

– Открывайте, Никита Валерьевич, – очень официально сказал один из них. – Мы знаем, что вы уже не в форсайте.

Глава третья

В начале я надел штаны. А только потом открыл.

И спросил:

– Вы знаете, сколько сейчас на часах?

Один из мужчин поднял руку, демонстративно посмотрел. Сказал:

– Один час тридцать восемь минут пополуночи.

Если честно, то со стучащейся в дверь полицией я бы вел себя куда вежливее. Полицейские – ребята простые, могут и обидеться.

А тут прям на лицах написано «спецслужба». Какая именно – уточнять нет смысла, их много. Но люди там вежливые и воспитанные – ровно до того момента, как им дают приказ перестать церемониться.

Я знаю, у меня батя был из таких.

– Давайте утром приду, – предложил я. – Куда скажете. А пока постараюсь поспать.

Мужчина покачал головой, вроде бы даже с сочувствием.

– Вас очень просят сейчас проехать с нами. Это недалеко.

– Я арестован?

– Нет, что вы! Но вас очень просят, это важно.

Упираясь я больше из принципа. Видеть форсайты не преступление, и оповещать государство о них никто не обязан.

Но откуда они узнали?

Не просто про форсайт, а про то, что я его видел только что?

Мне было интересно.

Ехать и впрямь пришлось недалеко – десять минут до МКАДа, пятнадцать после. В темноте я не разобрал точно, когда мы свернули с Ленинградки, да и скучного вида многоэтажное офисное здание в глубине парка ничем особо не выделялось.

Разве что забор вокруг стоял внушительный и у охранников в будке оказались не пистолеты, а автоматы.

Нельзя сказать, что я напрягся. Но мне как-то расхотелось дерзить и веселиться.

– Хорошо держитесь, – неожиданно сказал сидевший рядом мужчина, пока машина медленно ехала по территории. – Некоторые истерят. Требуют ордера. А вы даже документы не проверили.

– Надо было? – спросил я.

Мужчина засмеялся и достал из внутреннего кармана плаща стопку «корочек». На одной мелькнули буквы «ФСБ», на другой было написано «МВД», на третьей «Госнаркоконтроль», дальше мелькнули «Роспотребнадзор» и что-то еще, чуть ли ни «Лесоохрана».

– И ордера есть?

Он пожал плечами, но не ответил.

– Через год мир навернется, – сказал я. – Над головой будут висеть кровавые тучи. Если посмотреть в зеркало, то из него может вылезти чудовище. Какая мне разница, кто вы такие?

– Убедительно, – согласился мужчина. Но продолжать разговор не стал.

Через проходную (снова охрана) мы прошли в здание. Мужчины проводили (употреблять слово «отконвоировали» не хотелось) меня к лифту, и мы поднялись на шестой этаж. Лифт был обычный, скучный, с рифленным металлом кабины, будто тут хватало хулиганов, царапающих надписи на стенах. Молчаливый мужчина остался у лифта, тот, что поразговорчивее, взглядом указал направление.

По тускло освещенному коридору мы прошли к кабинету с пустой табличкой на двери. За дверью обнаружилась приемная с милой девушкой-блондинкой моих лет. Она возилась со стоящей перед ней на столе орхидеей, не то подрезая стебель, не то ощипывая с него сухие почки.

– Ой, вы уже приехали, – отставляя цветок, прощепетала она. Вот никогда не думал, что «прощепетала» будет самым подходящим словом! – Артур Давидович велел сразу в кабинет...

– Тогда оставляю, – согласился мой сопровождающий.

– Мне его бояться? – спросила девушка.

Мужчина окинул меня задумчивым взглядом.

– Нет, не надо, Полиночка. Он адекватный, даже с чувством юмора.

– Как хорошо, – расцвела Полина.

Мой спутник вышел, секретарша сложила руки перед собой и с улыбкой уставилась на меня.

– Вы похожи на робота-андроида, – сказал я.

Девушка подумала секунду.

– Это комплимент?

– Ага. В кино они все очень милые и смертоносные.

Полина совсем развеселилась.

– Значит, комплимент! Никита, вы будете чай или кофе?

– Чай, – сказал я. – Для кофе поздновато.

– Зеленый?

– Черный.

– Сейчас принесу, – пообещала она. Прошла к двери в кабинет, заглянула, что-то тихо произнесла. Повернулась ко мне. – Проходите, Артур Давидович вас очень-очень ждет!

Я вошел. Кабинет был просторный, с высоким потолком, но какой-то неуютный: со старыми лампами дневного света, мебелью вроде как массивной и солидной, но на вид очень стандартной, казенной. Крупные начальники (а к мелким вряд ли кого-то привозят среди ночи сотрудники спецслужбы) все-таки стараются сделать свою обитель поуютнее. На столе доминировал компьютер с огромным монитором, я такой видел только у художников и гейм-дизайнеров. Стол был девственно чист: ни бумаг, ни пепельниц, ни каких-то мелочей, даже мобильного или зарядки не валялось.

Впрочем, кое-какие личные вещи я заметил – множество акварелей на стенах. В живописи я не сильно разбираюсь, но вряд ли это была великая живопись. Что-то довольно ученическое.

– Балуюсь на досуге, – подтвердил мою мысль хозяин кабинета. – Успокаивает.

Посмотрев на него, я воскликнул:

– Я вас знаю! Вы по телевизору сегодня выступали. Рассказывали, что форсайт – это коллективный психоз!

Человек, которого в передаче называли футурологом, поморщился.

– Верно. А что мне надо было говорить? Что мир скоро накроется...

Он замолчал, и я с готовностью подсказал:

– Медным тазом?

Артур Давидович снова поморщился, погладил короткую бороденку. Ответил:

– Облачный покров в Мире После и впрямь немного напоминает медный таз. Пускай будет так.

– Ага, – сказал я. – Значит, врем народу?

– А вы бы рассказали, Никита? – с любопытством спросил Артур Давидович. – Чтобы часть населения ушла в запой, часть принялась усердно молиться, часть кинулась в тайгу и горы, скупая по пути тушенку и патроны?

– Можно подумать, этого не случилось!

– В прогнозируемых пределах, – он пожал плечами. – Опыт пандемии и войны научил. Тех, кто видит форсайты, не обманешь, остальные готовы закрыть глаза. Вы сами-то, Никита, много рассказываете о своих форсайтах? Пугаете народ?

– Нет, – буркнул я.

– Ну? – с напором спросил он.

Я пожал плечами. Неохотно признал:

– Может, вы и правы.

Только после этого Артур Давидович протянул мне руку.

– Будем знакомы. Артур Давидович Григорян.

– Никита Валерьевич Петров, – сказал я. – Да вы сами знаете.

Артур Давидович кивнул.

– Садитесь, Никита. Кофе будете?

– Я чаю попросил, – усаживаясь за стол, сказал я.

– Тоже годно. – Артур Давидович разместился во главе стола. Я вдруг только сейчас заметил, что он одет как-то совсем не по-офисному: мягкая байковая рубашка, штаны на резинке и тапочки!

Он мой взгляд заметил и пояснил:

– Днюю и ночью тут... Никита, расскажите мне свои последние форсайты.

– С чего бы? – спросил я.

Григорян некоторое время молча смотрел на меня. Потом сказал, без всякого осуждения, просто сообщая факт:

– А вы очень самоуверенный молодой человек.

– Мир скоро накроется, – ответил я. – Медным тазом. Форсайты видит пять процентов населения...

– Четыре, – поправил Григорян. – Точнее, три целых и девять десятых.

– Говорили – пять... Ну пусть четыре. Я не хочу видеть форсайты. Там разрушенные города, нет солнца, люди какие-то пришибленные, чудовища попадают. Нет такого закона, чтобы я все эти ужасы пересказывал! Тем более вы сами официально заявляете, что форсайты – всего лишь массовый психоз.

– Дерзкий, – снова произнес Григорян.

Почему-то мне показалось, что он сказал это с удовольствием.

– Вы меня что, оштрафуете? В тюрьму посадите? Расстреляете? – я усмехнулся. – За что?

Григорян покачал головой.

– У вас материала мало? – продолжал я. – Да миллионы людей выкладывают в сеть рассказы о своих форсайтах! Устанете анализировать.

– Почему вы так неприязненно настроены? – спросил Григорян спокойно.

– К вам это отношения не имеет, – сообщил я. – Просто не люблю все эти шпионские игры, спецслужбы, тайны.

– Из-за отца? – поинтересовался он.

Вошла Полина. Поставила между нами поднос: конфеты, печенье, чашка и прозрачный чайничек для меня, большая чашка кофе для Григоряна. Тихо вышла.

– Из-за отца, – подтвердил я.

– Принципиальный, – сказал вслух Григорян задумчиво. – Зря от кофе отказываетесь, у меня хороший. Не из капсул, кофемашина мелет зерна, по-моему, гораздо лучше выходит.

– Я думал, вам в турке принесут, – сказал я. – На песке приготовят.

– Потому что армянин? – Григорян усмехнулся. – Тогда уж в джезве, в Армении не говорят «в турке». И песок... это для туристов.

– Запомню, – кивнул я. – Извините, не хотел обидеть.

– Гибкий, – заметил Григорян.

– Вы на меня характеристику готовите? – оскорбился я.

– Неглупый.

– Или нас сейчас кто-то слушает? – я потянулся за чайником.

Григорян глотнул кофе и удовлетворенно заключил:

– Даже умный.

Очень хотелось чая, но я убрал от чайника руку. Сказал:

– Если я сейчас встану и уйду?

– Вас выпустят, – Григорян развел руками. – Я попрошу, чтобы довели до дома, и извинюсь, что побеспокоили впустую.

Мы уставились друг на друга.

– Хитрый, – признал я и налил себе чай.

Григорян кивнул.

– Хорошо. Я вам отвечу на три вопроса, хотите? Но в качестве ответной любезности вы ответите на три моих.

Я подумал. Искушение было... ну, невыносимое искушение. Артур Давидович явно знал до фига и больше. Я глотнул чая. Не знаю, как там кофе, а чай был замечательный, крепкий и ароматный.

– Что такое форсайт на самом деле? Чем он вызван?

– Вопрос не засчитан, у меня нет точного ответа. – Григорян покачал головой. – Но не психоз, разумеется.

– Хорошо. Форсайт – это предвидение будущего?

– Вероятнее всего.

Я вздохнул. Все-таки хотелось услышать что-то другое.

– Версию с массовыми наведенными галлюцинациями мы прорабатывали, но отвергли, – добавил Григорян. – Вы должны понимать, по какой причине.

Мне это дополнение не понравилось.

– Известна точная дата, когда произойдет апокалипсис?

– Мы говорим «Событие», – уточнил Григорян. – Осталось от месяца до года. Возможно, потом я объясню, на чем базируются наши выводы.

Это уже было кое-что. У меня холодок прошел по коже, но я не стал уточнять.

Что бы спросить еще?

– Как вы поняли, что я вижу форсайты? И что этой ночью он был?

Григорян молча потянулся и развернул ко мне монитор.

Компьютер работал. На весь экран была открыта карта Москвы, обычная Яндекс-карта, только с какими-то дополнительными значками. Я даже не удивился, узнав свой район.

– Поведение людей, испытавших форсайт, подчиняется определенным закономерностям. Поисковые запросы, посещаемые сайты, частота просыпаний, покупки... оценивается очень много факторов. Последний год все наши нейросети настроены на поиск людей, переживающих форсайты. Далее – обычная работа. Отслеживается реакция на зеркальные поверхности, взгляды на небо...

– Ясно, – мрачно сказал я. – Большой брат следит за тобой. Даже не сомневался. А почему точки цветные?

– Зеленые точки – это подтвержденные с высокой вероятностью случаи форсайтов, – сказал Григорян. – Желтые – вероятные на восемьдесят процентов.

– А красные? – заинтересовался я.

– Те, у кого форсайты были, но прекратились.

Я смотрел. Размышлял. Прикидывал количество.

– Вам назвать цифры? – спросил Григорян.

– Уже посчитал, – сказал я. – Вначале говорили о пяти процентах, вы сказали, что их три и девять... Двадцать два процента прекратили видеть форсайты, потому что погибли в будущем?

– Хороший математический ум, прекрасные способности к анализу, – произнес Григорян грустно. – Олимпиады в школе выигрывали... в МГУ блистали... фундаментальная математика, дискретная математика, топология... а занимаетесь всякой хренью!

– Деньги зарабатываю. Надо было в разведку идти? – спросил я резко.

Григорян молчал, буравил меня взглядом. Потом сказал:

– Не с вашим характером, Никита. Моя очередь задавать вопросы. Миша в будущем жив?

– Блин! – Я чуть не расплескал чай. – Он вам рассказал?

– Мы детей посреди ночи не тревожим. – Григорян едва заметно улыбнулся.

– А вы ведь мне не ответили, – вдруг сообразил я. – Как вы поняли про форсайт этой ночью...

Хозяин кабинета ждал.

– Отследили нашу встречу?

– Верно. Когда два незнакомых и совершенно разных человека, видевших ночью форсайты, неожиданно встречаются и одиннадцать минут ведут разговор...

– Логично предположить, что они встречались в форсайте. Вы подслушивали? – мрачно спросил я.

Григорян покачал головой.

– Нет. К сожалению, оператор подключился поздно, а прослушивание у нас до сих пор только по санкции человека.

– Что ж вы так... – я подумал. – Ну ладно. Собственно говоря... В форсайте на меня напал варг. Михаил его застрелил, но погиб сам.

– Такая встреча явно была напряженной, эмоциональной, и после нее крайне вероятен новый форсайт. Вас поместили на приоритетное отслеживание. Но если Михаил погиб, то каким образом у него снова случился форсайт... – задумчиво сказал Григорян. – Точно погиб?

Я размышлял.

– Нет, не точно. Он ожил.

– Способность? – понимающе кивнул Григорян.

– Да.

– А ваша какая?

– Никакой, – честно сказал я. – И, кстати, это был третий вопрос.

– Разве? – удивился Григорян.

– Первый – «погиб ли Миша». «Точно ли он погиб» сочтем уточнением и не засчитаем.

Второй вопрос – «способность». Третий – какая способность у меня.

Артур Давидович развел руками.

– И впрямь! Ну... спасибо большое, Никита. Возможно, вы нам помогли.

Он отхлебнул кофе и поморщился.

– Остыл... Кофе должен быть горячим.

Я подождал немного. Спросил:

– И что?

– В смысле? – удивился Григорян. – А! Сейчас закажу машину, вас отвезут домой. Можем справку выписать, что вы были на каких-то сборах или кровь сдавали. Чтобы завтра на работу не ходить. Можем небольшую, но приятную премию оформить. Надо?

Он смотрел на меня и улыбался.

Я вздохнул.

– Ладно. Вы меня поймали. Мне интересно.

Григорян молча встал, подошел к столу и достал из ящика лист бумаги и ручку.

– Извините за формальность, но надо будет подписать. Стандартная форма. Допуск, нераспространение, ответственность... Думаю, вы понимаете. Тут уже все заполнено, нужна лишь подпись.

– Тут даже время проставлено, – мрачно сказал я. – Только на час ошиблись.

– Я думал, вы дольше будете ерничать, Никита, – признался Григорян.

К своему удивлению, я понял, что совсем на него не сержусь. Мне хотелось хоть с кем-то поговорить о форсайтах.

Уродливое здание оказалось лишь ширмой. «Центр по изучению форсайтов» раскинулся на изрядной территории, раньше принадлежащей не то санаторию, не то дому отдыха. Среди сосен и елей были разбросаны маленькие двухэтажные корпуса и отдельные коттеджи. Кругом очень чисто, асфальтовые дорожки выскоблены начисто, ни снега, ни наледи. Вдоль дорожек горели фонари.

– Таких структур много, – рассказывал Григорян, пока мы шли от здания. Он надел ботинки и набросил куртку, но домашние штаны переодевать не стал. – Наш Федеральный центр, институт форсайтов при Академии наук, номерной НИИ при Минобороны... Я знаю о десяти.

– И ваш самый главный? – уточнил я.

– Не угадали. Наш центр на поверхности, он более-менее открытый. Я занимался психологией в одной конторе... не стану вдаваться в подробности. Когда начались форсайты, то пошло финансирование, меня тоже привлекли. Часть штата перетащил с собой. Часть придали от государства.

Я хмыкнул, но уточнять не стал. Понятное дело, что тут полно секретности, спецслужб, интриг между ведомствами, что идет драка за толстый кусок государственного пирога... Апокалипсис апокалипсисом, но вдруг все как-то рассосется!

– У всех есть какие-то свои ключевые особенности и направления, – продолжал Григорян. – Мы сосредоточились на управляемости форсайта. Добились хороших подвижек.

– Да?

– Можем их вызывать хоть каждый день.

Я поежился.

– Думаете, это приятно?

– Нет, думаю, это полезно.

Мы остановились у одного из коттеджей.

– Если решите сотрудничать – это ваш, – сказал Григорян.

– А работа? – спросил я.

Артур Давидович смотрел на меня и улыбался.

– Я готовлюсь выживать, – сообщил я, хоть это и было не совсем правдой. – Стреляю, единоборства, несколько мест в глуши присмотрел...

– Зеркала все из дома вынес, – поддержал меня Григорян. – Сотрудников института перед Событием эвакуируют. Конечно, если мы не прошляпим день. Строятся центры для выживания. Идут тренировки. Кстати, тут есть спортзал, бассейн, инструктора. Есть тир.

– Столовая...

– И кафе. Даже алкоголь разрешен, в умеренных дозах. Медпункт, врачи из Центра катастроф проводят занятия.

– Соблазнительно, – согласился я и посмотрел на коттедж. Он был разделен на две половины, с отдельными входами. Я заметил, что стекла в окнах матовые, рифленые.

Кстати, и фонари все с матовыми колпаками...

– Внутри все есть, одежду купим или привезете свою.

– Выходить наружу можно?

– В город? Конечно. Просим лишь большую часть ночей проводить здесь. И...

Он запустил руку в карман, достал маленькую коробочку. Внутри перекачивалась не то таблетка, не то капсула.

– Будет замечательно, если вы начнете пить это перед сном.

– Что это? – спросил я, заложив руки за спину.

– Стимулятор форсайта. – Григорян упорно держал руку перед собой. – Кратко – «Форс». Формулу точно не назову... ацетил... индол... – Он поморщился. – Если очень надо, то скажу. Это служебная информация, но давно не тайна ни для кого. Корейцы первыми синтезировали.

Я посмотрел на часы.

Полпятого утра.

Надо же, всего три часа назад я спал дома.

– Подумаю, – сказал я, но таблетку не взял. – А кто во второй половине живет?

– Коллега, утром познакомитесь.

– Не Миша? – уточнил я подозрительно.

– Миша еще дома. Если удастся уговорить его семью, то он, как и все несовершеннолетние, будет жить во втором корпусе, с кем-то из родителей.

Почему-то у меня даже сомнений не возникло, что Григорян уговорит. Спросил:

– Много тут... наших?

– Меньше, чем хотелось бы, – ответил он. – С вами будет одиннадцать. С Мишей, надеюсь, двенадцать.

Помявшись, я сказал:

– Прежде чем принимать решение, я бы хотел узнать все про форсайт.

– Я тоже. – Григорян вздохнул, поежился. – Холодно. Вы остаетесь или вам машину вызвать?

Поскольку я молчал, он снова засунул руку в карман. Теперь у него на ладони лежали прозрачная коробочка с таблеткой и ключ с жестяной биркой.

– Блин, – сказал я, забирая и ключ, и таблетницу. – И вот я в заботливых, но холодных руках государства, крошечный винтик в механизме...

– Если случится Событие, то никакого государства не останется, будете до смерти наслаждаться анархией, – напомнил Григорян. – Спокойной ночи. Подъем у нас в десять, если встаете раньше – в комнате есть схема территории, указатель на столовую, телефон.

Он повернулся и побрел обратно к многоэтажке.

– Думаете, мне нравится быть в форсайте? – выкрикнул я вслед. В ночной зимней тишине голос прозвучал неприлично громко.

– Никому не нравится, – ответил он, не оборачиваясь.

Вздохнув, я подошел к домику. Над дверью светилась тусклая лампочка. Я отпер, вошел, нашарил выключатель.

Ну да, похоже на обычный подмосковный пансионат среднего уровня. Комната довольно большая, кровать широкая, двуспальная, рабочий стол с простеньким ноутбуком (я проверил: новенькая операционка, мессенджеры, пакет «офиса», интернет есть и весьма шустрый), пара кресел, телевизор (экран не блескучий, разумеется), шкаф с посудой, чайником, парой бутылок минералки. Холодильник – даже не мини-бар, а настоящий, хоть и маленький. Я сбросил обувь, заглянул в холодильник – тот оказался набит продуктами. Увидев свой любимый «йогурт коломенский», я шумно вздохнул.

Достал бутылку минералки (тоже тот сорт, что предпочитаю). Открыл коробочку.

Простая белая капсула.

Стимулятор форсайта, значит...

«Форс».

Я еще никогда не испытывал два форсайта за ночь. Даже не думал, что такое возможно.

Капсула отправилась в рот. Я запил ее водой. Заглянул в ванную (приличная сантехника, но не блестящая, а матовая), пластиковая душевая кабина с кучей форсунок, но со снятым зеркалом. Унитаз, разумеется. Запас туалетной бумаги, шампуни, душ-гель, мыло, зубная щетка и паста, одноразовые бритвы и пена для бритья... Ничего не забыли.

Вернувшись в комнату, я разделся, забрался в кровать. Выключил свет – все было под рукой, и розетки для зарядных устройств, и лампа, и центральный выключатель. Подушка удобная, одеяло легкое и в меру теплое.

Все для удобства подопытных мышек.

Но я вдруг понял, что мне действительно интересно происходящее.

Мир стоит на краю пропасти и скоро сделает шаг вперед.

Это от меня никак не зависит... но интересно же посмотреть заранее, что там, на дне пропасти!

Форсайт от обычного сновидения отличаешь сразу.

Сон – это сон. Какой бы он ни был подробный, но ты всегда чувствуешь его нереальность. Все вокруг словно бы плывет, становясь ясным лишь там, где концентрируешь внимание.

Вот и мне вначале снился сон, обычная белиберда, в которой я был школьником, потом как-то сразу оказался в институте и мучительно пытался решить задачу, но формулы растекались и плясали перед глазами, а потом мне потребовалось рассказать какому-то иностранцу, что надо посмотреть в Москве, причем он не понимал ни русского, ни английского, и я махал руками, будто персонаж комедии...

А потом я услышал шорох и проснулся.

Точнее – выскочил в форсайт.

Было темно и холодно. Какое время года в форсайте – я не знал, мне кажется, тут гораздо меньше сезонные перепады температур. Но ночью явно минусовая, не зря же сыпется мелкая снежная крупка.

Я по-прежнему лежал у стены, замотавшись в горы одежды и одеял. Подушка под головой даже слегка согрелась. Однако разглядеть я ничего не мог.

Пошарив рукой (движение явно осталось от того меня, который обитает в Мире После), я достал из-под подушки фонарик. Там же лежал и нож.

Но свет я включать не стал, потому что шорох повторился. Он шел с улицы, из-за окна. Нехороший шорох, будто что-то огромное, длинное, чешуйчатое терлось о стену дома, слепо шарило, принюхивалось...

Звук прекратился.

Почему у меня нет нормального оружия? Почему в этом кошмаре увалень Миша ходит с громадным пулеметом, а я только с ножом?

Из-за стены вновь послышалось шуршание. Зашелестела рвущаяся пленка, которой было затянуто окно. Звякнула решетка.

Я лежал, обмирая, затаив дыхание.

И почему-то твердо знал – свет включать нельзя. Свет мне не поможет.

Решетка загремела, будто ее дергали со всей силы.

Я сжал рукоять ножа, но доставать его из ножен не стал.

Снова загремело. Подуло холодным, ледяным.

И мягкий, тонкий голос – то ли девушка, то ли ребенок – произнес:

– Кто здесь? Кто здесь? Мне страшно...

Вот же новость, а мне, можно подумать, весело!

Чертова таблетка, чертов Григорян, чертов Центр изучения форсайта!

Глава четвертая

Когда ты в форсайте, то не владеешь памятью себя из будущего. Но какие-то базовые вещи, на уровне инстинктов, остаются. Тот я, из Мира После, знал, что отзываться нельзя – точно так же, как нельзя сейчас включать свет или убегать.

Но во мне все вопило: «Ответь, зажги фонарь, спасайся бегством!»

Это ведь самые простые инстинкты, самые древние. Если с тобой заговорили – попытайся договориться. Если не знаешь, в чем опасность, посмотри. Если бороться невозможно – убегай.

Я вцепился зубами в запястье, чтобы не закричать. Лежал, покрываясь холодным липким потом.

– Помогите, пожалуйста... помогите...

Если бы решетка периодически не начинала трястись с такой силой, будто ее слон бивнями поддевал, я бы не выдержал, отозвался.

– Тут так темно и страшно... – продолжал жаловаться голос. – Так одиноко...

Еще один рывок решетки. Выдержит или нет?

Скрежет. Но не чисто металлический, а словно исполинские челюсти пытаются грызть железо. Противный, скрипящий скрежет...

Потом все затихло.

Тварь, едва не вырвавшая решетку, ушла?

В форсайтах я встречал четыре вида монстров.

Во-первых, летающие твари. Они обычно кружат где-то в облаках, порой выныривая вниз, но никогда не спускаясь к улицам. На вид они странные, хотя толком я их не разглядел. Широкие неровные крылья, словно покрытые не перьями, а чешуей или кожей, короткое и раздвоенное на конце тело. В общем, что-то крылатое и размером с человека.

Повторюсь, вниз они не спускались, поэтому я не знал, опасны ли они и на кого реально похожи.

Во-вторых, в темное время суток по улицам, обычно вдоль стен домов, шныряли мелкие твари, похожие на крыс размером с фокстерьера. Морды у них были тупые, пасти зубастые, но небольшие, тело покрывала короткая шерсть, темно-серая или черная. Агрессивности они не проявляли, в стаи не сбивались, хотя я подозревал, что если уснуть на открытом месте, могут и попробовать сожрать. А так скорее падальщики, неприятные, но осторожные.

В-третьих, тут водились серпарды. Их в форсайте видели многие, название было на слуху. Я встречал их один раз – парочку здоровенных, размером с барса, кошек. По пропорциям, форме головы, расцветке – обычные дворовые кошки. Можно было бы предположить, что в Мира После они каким-то образом укрупнились... вот только у серпардов была неестественно длинная шея. Не торчащая вверх, как у жирафа, а вытянутая вперед гибкая шея почти метровой длины. Иногда серпарды поднимали ее вверх, оглядываясь, становясь почти вровень с человеческим ростом, но большей частью держали шею наклоненной примерно на сорок пять градусов, будто мелкие пушистые диплодоки. По-моему, это очень неудобно, опасно и не имеет особого смысла, но что тут имеет смысл?

Серпарды посмотрели на меня недобро, но прошли мимо. Я считал их умеренно опасными.

А вот варгов я видел трижды (включая вчерашний форсайт), и они, несомненно, были самыми агрессивными.

Один раз гигантский волк промчался по улице, преследуя человека. Я наблюдал за погоней из окна. Не знаю, чем все закончилось, криков я не слышал, но вообще-то варг был крайне целеустремленным.

Второй раз варг возник на детской площадке, где расположился какой-то стихийный рынок. Это само по себе редкость, люди в Мире После не склонны собираться вместе, а все необходимое добывают большей частью мародерством в магазинах и пустых квартирах. Но все-таки товарные отношения пережили и апокалипсис. Форсайт застал меня внимательно разглядывающим разложенные на пластиковой скатерти вещицы... ну вот не придумать иного слова для этого хлама: колченогие пластиковые солдатики, перегоревшие лампочки накаливания, вилки (у каждой аккуратно отломлен один из зубцов), начатые пузырьки с лекарствами (причем этикетки были старательно оторваны), расплющенные золотые и серебряные украшения (в некоторых чудом сохранились какие-то камешки). В общем, торговка, стоящая над всем этим богатством, продавала или обменивала никому не нужное барахло!

Я даже не стал проявлять инициативу, позволил себе из будущего перебирать и рассматривать вещи. Что ему тут нужно, зачем? Может, торговка заинтересовала? Да ну нафиг, немолодая, некрасивая, с гнилыми зубами и синяком под глазом...

Всего на «рынке» было человек десять «продавцов» и столько же «покупателей». Люди почти не разговаривали. Иногда доносилось негромкое: «Сколько?.. Новое?.. Меняем?..» Что странно, в ответ обычно ничего не произносили, лишь кивали или мотали головой. Не любят тут общаться.

И тут появился варг. Я услышал хлопок, почувствовал дуновение воздуха, какой-то странный едкий запах... Люди вокруг замерли, оцепенели.

Повернув голову, я увидел варга: здоровенное тело, пышная грива, огромная, тяжелая волчья голова. На миг наши взгляды встретились, и я подумал, что сейчас обделаюсь, настолько мне стало страшно.

Потом взгляд варга obeжал собравшихся. Казалось, монстр мысленно произносил считалку: «Буду... резать... буду... бить... все... равно... тебе... водить...»

И прыгнул.

Среди тех, кто рассматривал «товары», стоял парнишка, совсем еще мальчик. Варг сбил его и с клацающим, чавкающим звуком перекусил шею. Постоял, придерживая лапой конвульсивно дергающееся тело. Прыгнул снова. Теперь он выбрал молодую девушку за прилавком, повалил, точно так же разорвал шею, ухитрившись не задеть разложенные на желтом газетном листе пакетики и коробочки.

Все продолжали стоять.

Варг подтащил тело девушки к мертвому пареньку. Замер, разглядывая их.

И только тут люди стали расходиться. Не разбегаться, а именно расходиться, не забывая разложенные вещи, быстро, но тщательно собирая их в сумки. Словно точно знали, больше жертв не будет.

Ушел и я. Старик, тащивший рядом со мной баул, бормотал себе под нос:

– В зеркала смотрели... молодежь... в зеркала смотрели... молодежь...

Так я впервые узнал, что в зеркала смотреть нельзя. И понял, почему в городах разбиты все стекла (хотя мне кажется, со стеклами – это уже чересчур).

Четыре вида монстров, из которых однозначно опасными были лишь варги. Я раньше называл их волками, но мне понравилось Мишино определение.

Кто из этих тварей мог ломиться в окно, издавая шелестящие звуки?

На мой взгляд, никто.

Я пролежал так минут, наверное, пять или десять, слушая тишину.

Видимо, тварь ушла.

Думаю, что тот я, из будущего, просто закрыл бы глаза и уснул.

Но я, дурак, так не мог.

Я сел, подтянув ноги. Надел и застегнул берцы. В одной руке сжал нож. В другой фонарик.

И включил луч, посветив на окно.

Да.

Лучше бы я этого не делал.

Пластиковая пленка посредине окна была порвана, а прутья решетки частично разогнуты. Как раз настолько, чтобы внутри комнаты смогла просунуться голова, плечи и руки девочки.

Я ее уже видел вчера – она сидела у подъезда перед свечкой в стакане. На ней было то же самое белое платье, сейчас задравшееся к плечам – видимо, когда она забралась в квартиру, а потом пыталась выбраться обратно.

Впрочем, ничего неприличного от этого не случилось. Ниже пояса тело девочки переходило в толстую чешуйчатую трубу, извивающуюся плавными медленными волнами. Словно ее до половины проглотила гигантская змея... а потом они со змеей срослись воедино.

Глаза девочки смотрели совершенно слепо, не мигая. Она медленно приоткрывала рот и бесшумно втягивала воздух, высовывая при этом язык. Выглядело это так, словно она нюхает, но не носом, а ртом.

– Кто тут? – произнесла девочка нежным голосом. – Я ничего не вижу...

Я вдруг подумал, что чудовище не заберется внутрь. И дело даже не в том, что толстому змеиному телу мешает решетка.

Пока я не заговорю – она не может влезть. Как вампир без приглашения.

Я сел, привалился спиной к углу между шкафом и стеной. Опустил лучик фонарика, чтобы видеть силуэт, но не светить прямо на монстра.

И приготовился ждать до утра.

Но ждать пришлось не больше десяти минут.

Никогда еще возвращение из форсайта меня так не радовало. Девочка-змея не казалась реальной непосредственной опасностью, но это было настолько противоестественно и омерзительно...

Я лежал и смотрел в потолок.

Мерзопакостная таблетка.

Хотя, скорее всего, форсайт случился бы и так.

Глянув на стрелки наручных часов (с полгода назад я начал носить простую и надежную механику), я увидел, что уже половина девятого. Как я понял, тут встают поздно, но всякое желание спать исчезло.

Григорян обязан сегодня что-то рассказать или объяснить. Иначе я сотрудничать не стану. К счастью, тут не та ситуация, когда меня можно принудить к этому силой.

...Интересно, а отец бы стал сотрудничать? Да наверняка. Он был такой, идейный. Интересы страны, интересы человечества, моральные нормы... Как мать однажды в сердцах сказала: «Ему надо было в СССР родиться, сразу после революции».

Я не такой. Но в общем-то пока от меня требуют сухую ерунду, а обещают много чего. И на работу можно не ходить.

С другой стороны, так всегда и начинается, с мелочей.

А потом прозвучит просьба что-нибудь сделать. Маленькое, но важное. Потом еще. И еще.

Но коготок у меня уже увяз, любопытство погубило кошку... кота в моем случае.

Я встал и пошел в ванную.

На улице стало холоднее.

Я застегнул куртку до подбородка. Покрутил головой, ориентируясь.

Ага. Вот там, за припудренными снегом соснами, двухэтажное здание – столовая и мед-часть.

Хлопнула соседняя дверь домика, я повернулся.

На пороге стояла девчонка лет двадцати. Миленькая, черноволосая и темноглазая. В короткой, едва прикрывающей трусики розовой ночнушке. Без штанов и босиком. Она зевнула, задумчиво посмотрела на меня, сказала:

– Привет.

– Привет, – ответил я, стараясь смотреть ей в лицо. Ноги у нее замечательные, такие не грех и демонстрировать, но как-то было неловко.

– Холодно, как в форсайте, – сказала девчонка.

– Точно, – поддержал я.

Она неожиданно улыбнулась.

– Тоже «зимний»? Ура. Подожди, я сейчас.

Дверь закрылась.

Я помялся у своей двери, привалился спиной к стене. Привычка из форсайта.

Девушка снова вышла, уже одетая. В джинсах, коротенькой легкой курточке и высоких ботинках.

– Меня Лена зовут, – сообщила она. – Можно, возьмусь за руку? У меня ботинки скользкие.

– Я Никита. Берись, у меня не скользкие.

Она как-то очень легко и уверенно ухватила за мою руку, и мы пошли к столовой.

– Дверь можно не закрывать, – сообщила она. – Тут все свои, сам понимаешь. Тебя ночью привезли?

– Да. Слышала?

– Нет, я была в форсайте. Капсулу выпил?

– Выпил.

– Пей, – одобрила она. – Работают... Обычно ночью не привозят, это дядюшка уже на нервах был... – Она запнулась и закончила: – Нам пары не хватало.

– Дядюшка?

Лена поморщилась.

– Артур Давидович. Я сказала, что он на моего дядюшку похож, он ответил: «Можешь так и звать». Ну и прижилось. Я тут одна из первых.

– Вас десять?

– Ты же с кем-то? Значит, двенадцать. Артур Давидович считает, что так лучше всего будет, три группы по четыре человека – летняя, зимняя и осенняя. Летняя и осенняя уже есть, а в нашей только двое, я и Сашка. Да, Сашка – это девочка, Александра. Ей сейчас пятнадцать, а в Мире После – девятнадцать.

Я поморщился, вспомнив девочку-змею из форсайта. Ей, пожалуй, тоже было лет пятнадцать-шестнадцать.

– Ага. Значит, Событие – через четыре года, – сказал я.

Лена засмеялась. Смех у нее был хороший, не обидный.

– Ты совсем ничего не знаешь! Событие через месяц-два. Точную дату так и не узнали, а может, узнали, но нам не говорят.

– Да, туплю, – согласился я. – Даже там уже почти год прошел. Ну, у меня, во всяком случае.

– У всех, – поправила Лена. – Год прошел, только сезоны не меняются. Кто-то попал в лето, кто-то в зиму, кто-то в осень.

– Знаю, – сказал я. – Время идет, но куда попал, там и остался. Интересно, а те, кто сейчас попадает – у них что? Может быть, весна? Никогда не слышал про форсайты в весну.

– Так ты не в курсе? Давай, я тебе вкратце объясню?

Мы остановились у стеклянных дверей столовой. В маленьком фойе за стойкой сидели несколько человек, поглядывали на нас, но не выходили.

– Форсайты начались год назад, – начала Лена. – В течение месяца всех, кто способен испытывать форсайты, испытали. Все попали в одно из трех времен года... условных, конечно, времен. И в них остались, новых случаев нет. Может быть, форсайты возникают у младенцев, которые за этот год родились, никто не знает. Младенцы рассказать не могут. Новых взрослых людей с форсайтами не появляется.

– Зато старые исчезают.

– Верно. Дядюшка сказал? Он со всеми лично беседует. Постепенно люди в Мире После гибнут, тогда форсайты прекращаются.

Она помолчала и добавила:

– Такими темпами скоро Земля станет безлюдной... Пора завтракать, Никита.

Мы поздоровались с женщиной в фойе и двумя охранниками, дежурившими там же, разделись в гардеробе, где не было гардеробщицы, двинулись в сторону столовой. На дверях висело объявление: «В 19.30 общее собрание в Красном зале, настоятельная просьба не опаздывать!».

Лена хмыкнула, глянув на листок, и мы прошли в просторную столовую. Там уже были люди.

– Наши в этом зале, – сказала Лена, – персонал во втором обслуживается.

– Есть разница? – спросил я.

– Ага. Ты можешь взять мне бокал шампанского, – она усмехнулась. – Персоналу запрещено.

Мы действительно взяли по бокалу и налили игристого вина из стоящей в ведерке со льдом бутылки. Мы явно были не первыми, кто начал утро с шампанского.

– А у вас прямо-таки чад кутежа, – не выдержал я.

– Как говорит дядюшка – «все, что помогает вам не сойти с ума, полезно», – сообщила Лена. – Пошли знакомиться!

За ближайшим столиком сидел мрачный мужчина с девочкой-подростком. Казалось, будто они только что ругались, прекратив лишь с нашим появлением.

Девочка оказалась той самой Сашей, с которой Лена общалась в Мире После. На меня она посмотрела с любопытством, но тут же застенчиво отвела взгляд, с Леной поздоровалась дружелюбно, даже пробормотала что-то насчет «ночью было круто, я от тебя тащусь».

Если не знать, что она говорит о совместном форсайте, прозвучало бы двусмысленно. Кажется, девочке тоже пришла в голову эта мысль, у нее порозовели уши, и она принялась ковыряться в тарелке с овсянкой, будто надеясь найти там что-то неожиданное.

Ее отца (несовершеннолетние тут действительно жили с родителями) звали Николаем, был он еще более неразговорчив и показался мне человеком очень простым и пребывающем в полном ужасе от происходящего.

– На Колю можешь внимания не обращать, – шепотом сказала Лена, когда мы отошли. – С ним говорить не о чем.

Чуть в стороне от отца с дочкой четверо мужчин сидели за одним столом.

– «Летние», – сообщила Лена. – У них хорошая команда.

Наверное, это было неудивительно: двое «летних» явно были братьями-погодками или двойняшками. Очень похожие мужчины моих примерно лет, одного звали Петр, другого Павел, что в целом логично. Третьим был Алан, восточной внешности паренек лет двадцати с небольшим, а четвертым – бородатый, крепкий мужик лет под пятьдесят, которого все звали Михалычем.

Здороваясь с «летними», я подумал, что Михалыч, пожалуй, самый возрастной из всех нас. Наверное, молодым было легче выжить в Событии.

И еще меня смущало то, что лицо Михалыча казалось смутно знакомым.

Когда мы отошли от стола, Лена шепотом спросила:

– Узнал? Михалыча?

– Нет.

– Актер! Ну, не самый знаменитый, конечно. «Оборотни Севера», «Дом на Тверской», «Последняя застава»... Не видел?

Я покачал головой.

– Хороший актер, – сказала Лена. – А вот «осенние».

«Осенние» оказались тремя пацанами, от четырнадцати до семнадцати, и женщиной средних лет, которая командовала ими, словно родными детьми. Витя, Рома, Женя, Алевтина – я даже не стал пытаться запомнить, кого из мальчишек как зовут. Их родители либо уже позавтракали, либо еще не поднялись.

Мы прошли к раздаче, я взял омлет и сосиски, Лена йогурт и хлопья. Питание было на уровне, лежали и бутерброды с красной икрой, и куча всяких нарезок: сыры, колбасы, копченая рыба. Чай черный, чай зеленый, огромная кофемашина, выпечка, фрукты...

– Сядем отдельно, – решила Лена. – Я над тобой беру шефство!

Я не стал спорить. Она мне нравилась, да и разобраться в происходящем хотелось быстрее.

Мы уселись в сторонке, у стеклянной стены, выходящей на заснеженные сосны. От стены тянуло прохладой.

– Что твоему «дядюшке» от нас надо? – спросил я, отправляя в рот кусок омлета.

– Рассказываем про форсайты. Стараемся держаться поближе друг к другу. – Лена пожала плечами. – Он говорит, что ему нужны три группы по четыре человека, с тобой и твоим напарником как раз выходит нужное число... Ты с кем там встретился?

– Миша. Подросток, бутуз такой... А в Мире После – молодой мужик, скорее накачанный, чем толстый. С пулеметом ходит.

– Ого!

Лена выскребла остатки йогурта из баночки, искоса глянула на меня.

– Вы встретились здесь, у нас?

– Ну да.

– А потом там?

– Да.

– Этот Миша – он был из нашего времени или оттуда?

– По-всякому. И наш, и оттуда.

– Он тебя не узнал?

Я кивнул.

– Точно. И что это значит?

– Те мы, которые там, не помнят, что мы уже знакомы. Так что если не в форсайте – то словно с чужим человеком разговариваешь.

– Почему так?

Лена подняла вверх указательный палец.

– Во! Правильный вопрос! Григорян считает, что иной вариант просто невозможен. Если бы мы в Мире После помнили прошлое, то это создавало бы временной парадокс. Мы бы действовали, исходя из своих знаний, и не допускали бы опасных ситуаций.

– Все равно не понимаю, – признался я.

– Будущее зыбко, – пояснила Лена. – Мы видим его таким, каким бы оно стало без форсайтов. Но каждый форсайт слегка меняет будущее, так что мы в будущем воспринимаем только некую основную линию событий.

Я помотал головой.

– Квантовая запутанность, – продолжала Лена. – Неопределенность времени. Ну что ты от меня хочешь, я не физик! Григорян и сам не понимает, я думаю. Прими как факт – те «мы» не помнят, что испытывали форсайты.

– Может им... нам... память всем отшибло? – предположил я.

– Есть и такая гипотеза, – согласилась Лена. – Слушай, ты куришь?

– Нет.

– Совсем? Может вайп, электронные?

– Да нет же. Это вредно.

Лена рассмеялась.

– Ну да, да... До События примерно месяц, но курить все еще вредно.

– Чего все-таки от нас хотят? – спросил я. – Рассказывать о форсайтах? Вздор, есть миллионы людей, которые днем и ночью готовы рассказывать. Ты же явно знаешь!

– Предполагаю, – Лена чуть понизила голос. – Смотри, нас собирают группами – четыре человека, которые знают друг друга. Три доступных временных пласта.

– Мы – три команды, – сказал я. – Три команды из прошлого, которые заброшены в будущее и могут...

Я поскреб пальцем подбородок. Надо было побриться утром...

– А что мы можем? Спасти тот мир? Не смешно. Там погибло девяносто пять процентов населения, мы-то что сделаем. Значит, надо помочь нашему миру?

Лена кивнула.

– Информация, – продолжал я. – В будущем мы заняты выживанием. Мы вообще не помним о форсайтах, что странно, конечно. Еще и народ там неразговорчивый. Но если найден способ каждую ночь забрасывать наше сознание туда – мы можем действовать, можем узнать... точную дату События? Да ерунда, наверняка ее знают. Причину? Что стало с миром?

– Логичнее всего, – сказала Лена. – Дядюшка дожидался еще одной пары, теперь все в сборе. Наверняка речь пойдет именно о нашем задании.

Мне вдруг стало смешно.

– Наши всегда придумают, как забросить разведчика. Даже если в будущее после апокалипсиса.

– Не любишь шпионов? – прищурилась Лена.

– Шпионов не люблю, они чужие. А разведчиков уважаю. – Сам не знаю почему, я вдруг добавил: – У меня отец был разведчик.

– Серьезно? – Лена округлила глаза. – Настоящий? Как Джеймс Бонд?

– Круче, – мрачно ответил я. – Бонд выдуманный, а папа был настоящий.

– Разве об этом можно рассказывать? – заговорщицки зашептала Лена. – Или он на пенсии?

– Ты хотела сказать «в отставке»? Нет. Он погиб.

Лена замолчала.

Потом сказала:

– Извини.

– Да ничего. И сразу скажу про себя: я не разведчик, не военный, не спецгент. Я матфак закончил, занимаюсь инвестициями. Про отца только пару лет назад узнал.

– Ясно, – она с любопытством смотрела на меня. – Придется делиться в ответ. Мне девятнадцать, живу с мамой, папа... папа живет с другой семьей. Поступала, не прошла, куда хотела,

работала на кассе в супермаркете, работала няней в семье, снова поступала и не поступила... стала усиленно готовиться, а тут вдруг бац... – она замолчала.

– На кого поступала?

– Дизайнер, – Лена вздохнула. – Выбор девушки, которая ничего не может выбрать. Либо дизайнер, либо учитель, либо доктор. На учителя не хочу.

– А почему не на врача тогда? – не удержался я.

Лена подалась ко мне и шепотом сказала:

– Брезгливая очень и крови боюсь, жуть!

Я понимающе кивнул.

– Да шучу, – она вздохнула. – Ничего уже не боюсь, ничем не брезгую.

Это было понятно. Форсайты быстро отучают бояться грязи и крови.

– И что тут принято делать после завтрака? – спросил я.

– А тебе не сказали? – удивилась Лена.

Я покачал головой.

– Меня же ночью привезли, под утро почти.

– Тренировки.

– Бег, плавание, рукопашный бой? – скептически поинтересовался я.

– В основном стрельба и выживание.

Я заметил, что Лена смотрит на кого-то за моей спиной.

Повернулся

У столика стоял мужик лет сорока, в камуфляже без знаков различия.

– Никита?

Я кивнул.

Мужчина был невысокий, но крепкий, лицо жесткое, взгляд цепкий и не слишком добрый.

В общем, он смотрел на меня как... как на досадную помеху.

– Я Иван. Твой инструктор по оружию.

Глянув на недоеденную сосиску, я кивнул и встал.

– Никита. В вашем распоряжении.

Кажется, взгляд у него чуть-чуть потеплел.

– Доешь. Через три минуты жду тебя у дверей.

Он кивнул Лене и, чуть прихрамывая, пошел к выходу.

– Крутой спец, – сказала мне Лена негромко. – Пожалуй, лучший. Тебя ускоренно будут прокачивать.

– Времени-то мало. – Я пальцами забросил в рот выпачканную кетчупом сосиску. – Спасибо, Лен. За обедом увидимся?

– Вечером на собрании – точно, – она кивнула. – Удачи, Никита.

Я уже отошел от стола, когда Лена добавила вслед:

– Понадобится.

Набросив куртку, я вышел из здания. Иван, в бушлате такого же защитного цвета, стоял у дверей и курил, начисто игнорируя запрещающую надпись.

– Точен, это хорошо, – сказал он. – Идем. И застегнись. Кашли и сопли нам не нужны.

Я застегнулся и молча пошел за ним. Минуты три мы шли среди заснеженных елей. Иван все так же прихрамывал.

– Разрешите спросить? – не выдержал я.

– Служил? – вопросом ответил он.

– Нет, простомышленный.

– И слова умеешь выбирать, – задумчиво сказал Иван. – Спрашивай.

– У вас травма ноги?

- Протезы. На обеих. С какой целью интересуешься?
  - У меня нога повреждена, вроде вывиха что-то, не здесь, а там...
  - Понял. Обсудишь завтра, с врачом. Мой опыт не поможет.
- Я кивнул.

Мы дошли до отдельно стоявшего двухэтажного здания. Не похоже, что тут был корпус пансионата, скорее, хозблок. С торца на первом этаже проемы окон были заложены кирпичом, на всех остальных стояли грубые решетки.

За металлической дверью с висевшей над ней камерой нам навстречу поднялся охранник, причем с автоматом, но при виде Ивана он молча разблокировал электронный замок – даже стучать не пришлось. То ли мой спутник пользовался нешуточным авторитетом, то ли на территории Центра к правилам относились проще.

Раздевшись, мы прошли полутемным коридором и оказались в длинном зале. Судя по грубым следам ремонта, зал получили путем сноса стен в десятке или больше комнат. Кое-где посреди зала торчали бетонные колонны, грубо обшитые гипсокартоном. В конце зала вся стена была заколочена продырявленной фанерой, перед которой стояли мишени. Метрах в пяти – огневой рубеж со стойкой. Над ним под потолком торчало несколько железных труб с вентиляторами, которые Иван немедленно запустил. Загудело, и я почувствовал тягу. Если все так серьезно, то стрелять придется много.

– Ага, – сказал я.

И посмотрел на длинные столы, идущие вдоль остальных стен.

Там было оружие.

Самое разное.

Первой лежала столетняя мелкашка «ТОЗ-8». Да ладно, это серьезно, что ли?

– Ты должен уметь стрелять из всего, – сказал Иван, внимательно следивший за мной. – Что найдешь, что подвернется под руку.

– Я из многого умею, – не удержался я от похвальбы. – Меня вот... патроны удивили.

Рядом с мелкашкой и впрямь лежала вскрытая картонная коробочка с патронами. И рядом с остальным оружием тоже имелись боеприпасы.

Иван поморщился.

– Сам беспорядка не люблю. Но время дорого. Станешь у рубежа, будешь стрелять, а я буду подавать оружие.

Я прошел вдоль столов.

Охотничьи ружья, наши и не наши. «Калашниковы» разных модификаций. Автоматы, штурмовые винтовки, снайперские винтовки. Пистолеты и револьверы. Пулеметы.

– Обалдеть, – сказал я. – Богато живете.

– Снабжают хорошо, – согласился Иван и впервые едва заметно улыбнулся. – Что прошишь, то дают. Если будет время, тебя свозят на полигон, поучат техникой управлять.

– Не встречал *там* техники на ходу, – признался я. Подошел к концу одного из столов, уставился на HVLAR. Потрогал, взял в руки.

– Неужели доводилось иметь с таким дело? – спросил Иван.

Я вдруг понял, что, как только потянулся к оружию, он оказался рядом.

Не сомневаюсь, готов меня вырубить за долю секунды, если сочтет, что это нужно.

– Там – доводилось, – ответил я. – И, знаете, не «с таким». Мне кажется, что «с этим самым».

Глава пятая

Ни о каком серьезном обучении, конечно же, речи идти не могло. В тире, который на весь день был отдан в наше распоряжение, хранилось почти две сотни стволов. Самых разных, от широко распространенных и всем известных хотя бы по фильмам, и до экзотических или безнадежно устаревших, вроде «мосинки».

К примеру, часто ли вы слышали про российский автомат «АЕК-971»? Японскую винтовку «Хова Тип 20» и южноафриканский автомат «Вектор»? Или французскую винтовку «Фамас», которую Иван почему-то называл «горном» и поморщился, когда взял в руки?

– По какому принципу отбирали? – спросил я, ожидая услышать что-нибудь вроде «что нашли».

Но Иван ответил серьезно:

– Все, что сумели опознать по рассказам форсайтников, и более-менее распространенное у нас.

– «Хвлар»? – поразился я.

– Кто-то упоминал, – кивнул Иван. И осклабился: – А еще мне хотелось из него пострелять, в Москве их всего два... было.

Все обучение состояло в том, что я заряжал оружие, снимал с предохранителя, делал один-два выстрела. Иногда Иван меня поправлял, иногда молча кивал и передавал другой ствол.

Как ни странно, но с охотничьими ружьями было больше всего возни.

На обед мы не ходили, нам принесли судки с горячей едой.

В итоге за семь с половиной часов я выстрелил из двух сотен огнестрелов и слегка от этого обалдел. Две с небольшим минуты на каждый ствол... даже не думал, что такое возможно.

У меня болело плечо, ныла правая рука, а на указательном пальце, несмотря на перчатки, появилась мозоль. В ушах звенело, стрелковые наушники не спасли. Глаза слезились от порохового дыма, хотя вентиляторы старались изо всех сил.

– Ты не прирожденный стрелок и никогда им не станешь, – подвел итоги Иван, вручая мне «хвлар». – Но... – он улыбнулся. – Ты оружия не боишься, чувствуешь его, а оно тебя любит. Выстрелить ты всегда сумеешь, вот только поможет ли это...

Я выпустил короткую очередь из пулемета и положил его на стойку.

Выдохнул.

И взмолился:

– Может, хватит на сегодня?

Хотел еще сказать, что меня ноги не держат, но вовремя прикусил язык.

– Хватит, – ответил Иван. – Завтра с тобой будут работать врачи. Быстрый курс тактической медицины... ну и вопросы свои задашь.

Я кивнул. Иван посмотрел на часы – старомодные, со стрелками.

– Да, пора заканчивать. У тебя время помыться, поужинать и бежать на собрание. Не забудь, в семь тридцать!

– Вы там будете?

– Нет, я уезжаю. Меня отозвали на день, с тобой поработать.

Он даже похлопал меня по спине, что, наверное, с его стороны было равносильно хвалебной оде.

– А у вас есть форсайты? – спросил я, когда мы выходили.

Иван на миг замешкался. Но ответил:

– Был. Один.

Дальше можно было не спрашивать. Я и не стал.

Отмыться от пороховой гари, кажется, не удалось. Или запах въелся в ноздри? Но я сделал все, что мог, извел полфлакона душ-геля, вытерся и переоделся в чистое.

Одежда лежала на кровати – три раздутых пластиковых пакета с бельем, рубашками, парой джинсов и даже тапочками. Все было моего размера, судя по этикеткам, закупались в большом и дорогом торговом центре.

С бюджетом у «дядюшки» дела явно обстояли неплохо.

На ужин я прибежал без пяти семь. Лены уже не было, в сторонке пили чай «летние» – приветливо помахали, я кивнул, но отправился к другому столику.

За ним мальчик Миша сосредоточенно уминал котлету с пюрешкой.

– Привет. – Я сел напротив.

– Добрый вечер. – Миша блеснул очками и продолжил ужинать.

– Я тебя не сдавал, – сообщил я. – Нас, оказывается, отслеживают.

– Мне объяснили, – признал Миша. – Мы вроде теперь напарники?

Я кивнул.

– Вы ужин возьмите, – посоветовал подросток. – А то уже убирают с раздачи.

Выглядел он так невозмутимо, словно провел в этом центре как минимум несколько недель. Я сходил к раздаче, взял пару кусков жареной трески. Пюре уже не осталось, я набрал овощей и тушеной капусты.

Когда я вернулся с подносом, Миша уже покончил с котлетой и пил не то кофе, не то какао. Он с любопытством глянул на мой выбор, поморщился и сказал:

– Сплошной ЗОЖ. Как вы ночью выкрутились? Я на самом интересном месте проснулся.

– Ты меня не пристрелил, и на том спасибо.

– Почему мы в будущем не помним, что уже встречались?

– Не знаю. Может, объяснят хоть что-нибудь.

Он кивнул. Пробормотал:

– Есть у меня одна идея... Ладно. Знаете, куда идти?

Я покачал головой. Попробовал рыбу – суховатая, но вкусная.

– Подожду вас, – решил Миша. – Я уже выяснил, где здесь что... Как вам Артур Давидович?

– Вроде ничего, – уклончиво ответил я.

Пока я ел, мальчик сходил к стойке и взял пару пирожных. На мой взгляд – излишних для него, но это не моя забота. Спросил:

– Ты здесь с мамой или папой?

– Нет, они подписали бумаги, что могу один.

Я покосился на него, но Миша выглядел совершенно спокойным. Он пояснил:

– Я вполне самостоятельный. У меня паспорт есть, и вообще... Вы поели?

Подобрав последний кусок рыбы, я оттащил тарелки к раздаче, и мы пошли.

Красный зал оказался в том же здании, где и столовая. Обычный конференц-зал с длинным узким столом, видимо, названный так из-за цвета кресел. Все форсайтники уже были здесь, разбившись на три группы. Я сразу увидел Лену и Сашу, помахал, и мы с Мишей подошли.

– Держу вам два кресла, – сообщила Лена. – Миша, это Сашка. Садись с ней.

К моему удивлению, Миша без всякого смущения втиснулся в кресло рядом с Сашей и о чем-то начал с ней болтать. Она с явным интересом поддержала разговор. В моей юности как-то стеснялись так легко знакомиться с девочками.

Я сел рядом с Леной.

– Ждем Артур Давидыча, – сказала она. – Вон та рыжая – его заместитель, она то ли биолог, то ли врач. А мужик в костюме – гэбэшник, типа присматривает и контролирует. Не знаю, чего он там контролирует, бухает вечерами как не в себя.

– Профессионалу это не помеха, – прошептал я в ответ.

Кроме «рыжей» и «гэбэшника» незнакомцев больше не было. Они сидели на торце стола, общались между собой, поглядывая на нас... мне показалось, что мы с Мишей вызываем у них наибольший интерес.

Что ж, ожидаемо, мы новенькие.

– Часто так собираетесь?

– Первый раз, – ответила Лена. – Говорю же – дядюшка вас ждал... Странно, что задерживается.

Артур Давидович появился сразу же, будто подслушивал под дверь. Энергичный, словно и не провел полночи на ногах, в костюме и безупречно повязанном галстук. Прошел через зал, кивая, бросая слово-другое и обмениваясь рукопожатиями. Кажется, он никого не упустил. Мне бросил: «Никита, как втягиваетесь?» Проходя мимо Миши, потрепал его по голове – я выпучил глаза, ожидая от подростка самой бурной реакции на такое панибратство.

Но Миша начал улыбаться Артуру и жмуриться, словно удостоившийся ласки дворовый кот.

«Дядюшка» явно умел найти подход к каждому.

Усевшись между «рыжей» и «гэбэшником», Артур Давидович обменялся с ними рукопожатиями. Откупорил бутылочку воды, жадно сделал несколько глотков. Сказал:

– Угорел!

То ли это была понятная своим шутка, то ли он пользовался таким авторитетом, но несколько человек заулыбались, а актер и один из братьев даже засмеялись.

– Теперь серьезно. – Артур Давидович отставил бутылку. – К нам наконец-то присоединились двое «зимних». Никита и Миша!

Я неуверенно приподнялся. Миша остался сидеть, но закивал, крутя головой во все стороны.

– У Миши в форсайте хорошая способность, – продолжал Артур Давидович. – Регенерация после смертельных ранений.

– После смерти! – сказал Миша.

– Допустим, – не стал спорить Артур Давидович. – Способность Никиты... сейчас разбираемся.

На мой взгляд, никаких способностей у меня не было, но я спорить не стал. Похоже, тут большинство, если не все, умели в форсайте что-то необычное.

Интересно, какова способность Лены?

Я посмотрел на нее, она поняла, кивнула и одними губами прошептала:

– Потом...

– Конечно, хотелось бы иметь большие команды, – продолжал Артур Давидович. – Но необходимый минимум набран, а ждать больше времени нет. По уточненным данным – их подтверждают и китайские, и европейские, и американские коллеги, – Событие произойдет через три недели, в интервале между двадцать седьмым февралем и четвертым марта две тысячи двадцать шестого года.

Повисла тишина. Артур Давидович медленно обвел всех взглядом. Спросил:

– Не удивлены?

– Ну так, в общем, ожидаемо, – сказал Михалыч. Я вдруг вспомнил какой-то сериал, он там играл экстрасенса, говорил почти таким же тоном, веско и спокойно. – Хотелось бы еще месяц-другой, но что значат наши хотелки?

– Увы, ничего, – согласился Артур Давидович. – Мы отводим еще неделю на слаживание, после чего начинаем операцию... – он сделал паузу... – Операцию «Карамболь»!

Михалыч торжествующе вскинул руки и выкрикнул:

– О, да!

– Нечестно, «Крюк» лучше! – возразила Алевтина. – Михалыч ваш любимчик!

– У меня любимчиков нет, – отрезал Артур Давидович. – Одна из американских групп работает под кодом «Хук».

– Ну так и что? Что нашему крюку их американский хук?

Я опять посмотрел на Лену.

– Странно, да? – спросила она тихо. – Конец света на носу, а мы спорим из-за названия операции!

Я кивнул.

– Все, что помогает сохранить бодрость и боевой настрой, – допустимо и желательно! – наставительно произнесла она, явно кого-то цитируя.

– Итак, «Карамболь», – заключил Артур Давидович. – Повторю для новеньких: наша цель состоит в том, чтобы понять природу катаклизма, который мы называем Событием. С момента появления «Форса» и стимулированного входа в форсайт нам удалось собрать значительное количество информации. Но время пассивного сбора прошло, мы начинаем более активные действия. Если нам удастся понять механизм произошедшего, то у нас будет шанс...

Он посмотрел на меня как раз в тот миг, когда я иронически улыбнулся. Только человек, не видевший пустые города и затянутое вечными тучами небо, не убегающий от чудовищ и не натывавшийся на истлевшие тела, мог говорить про шансы.

– Шанс повлиять на масштаб катастрофы, – закончил Артур Давидович. – Еще неделя слаживания, потом вам раздают описание операции и начнем. Прошу не забывать каждый день подробно описывать произошедшее в форсайте и оставлять отчеты на столе перед уходом на завтрак. Это касается Никиты и Михаила. Перед сном потрудитесь записать сегодняшние форсайты!

– Можно вопрос? – спросил Миша.

– Давай.

– Почему мы в будущем не помним себя из прошлого? Почему я в будущем не узнал Никиту? Он не слишком изменился.

– Согласно основной версии – потому что будущее нестабильно. Вы попадаете в свои тела, но ваше прошлое еще не полностью определено, поэтому воспоминаний друг о друге и пребывания здесь у вас нет. Именно это позволяет нам надеяться изменить будущее.

Михаил кивнул и нахально спросил:

– А другие теории есть?

– Есть, – подтвердил Артур Давидович. Но уточнять не стал, и даже Миша понял, что спрашивать не стоит.

Поэтому он задал другой вопрос:

– У кого еще необычные способности?

– Почти у всех, – ответил Артур Давидович. – Мы полагаем, что форсайт и необычные способности всегда сочетаются.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

– Только не всегда люди раскрывают их в форсайте... Еще вопросы, Миша?

– В комнатах есть прослушка и наблюдение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.